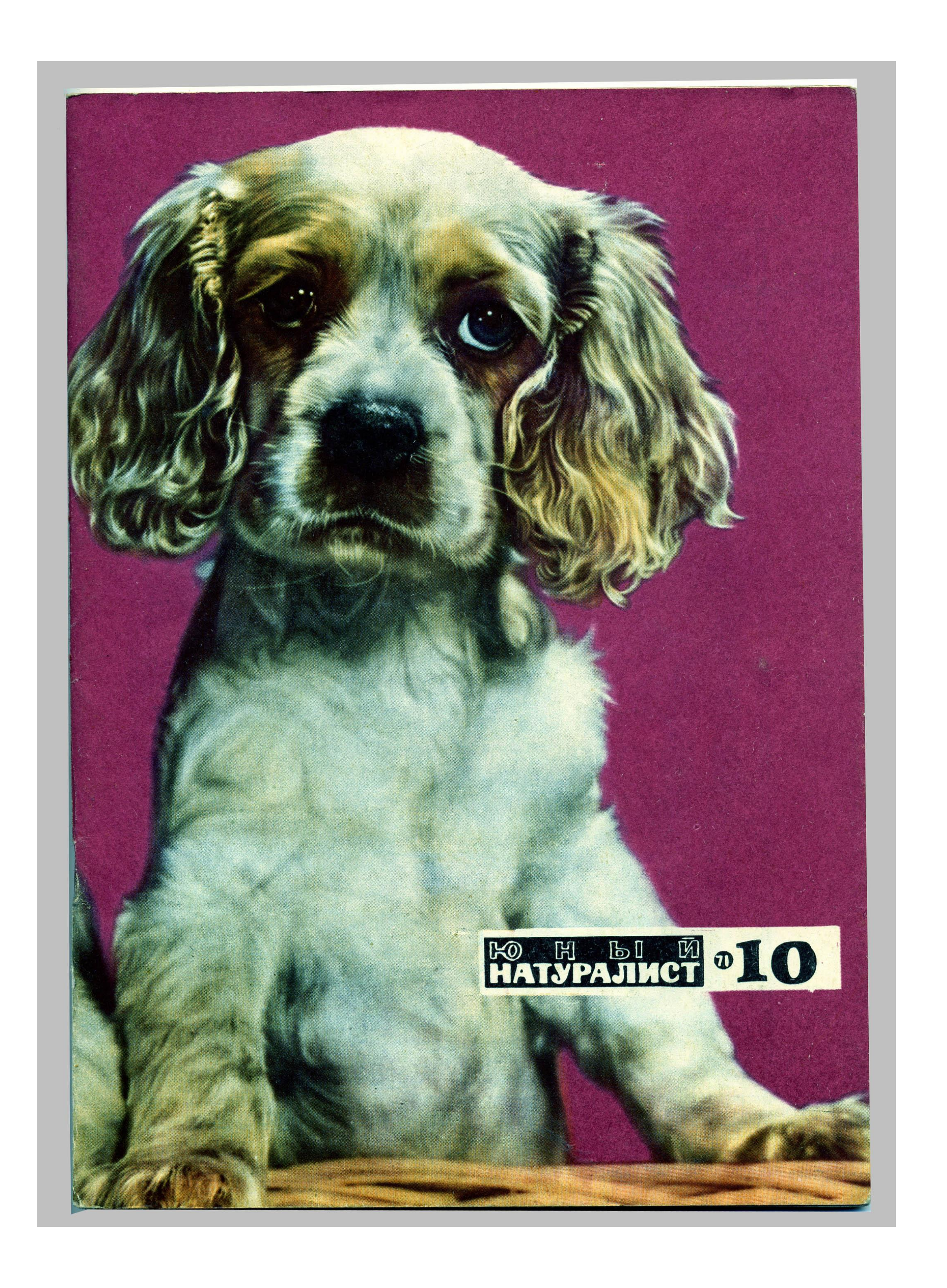
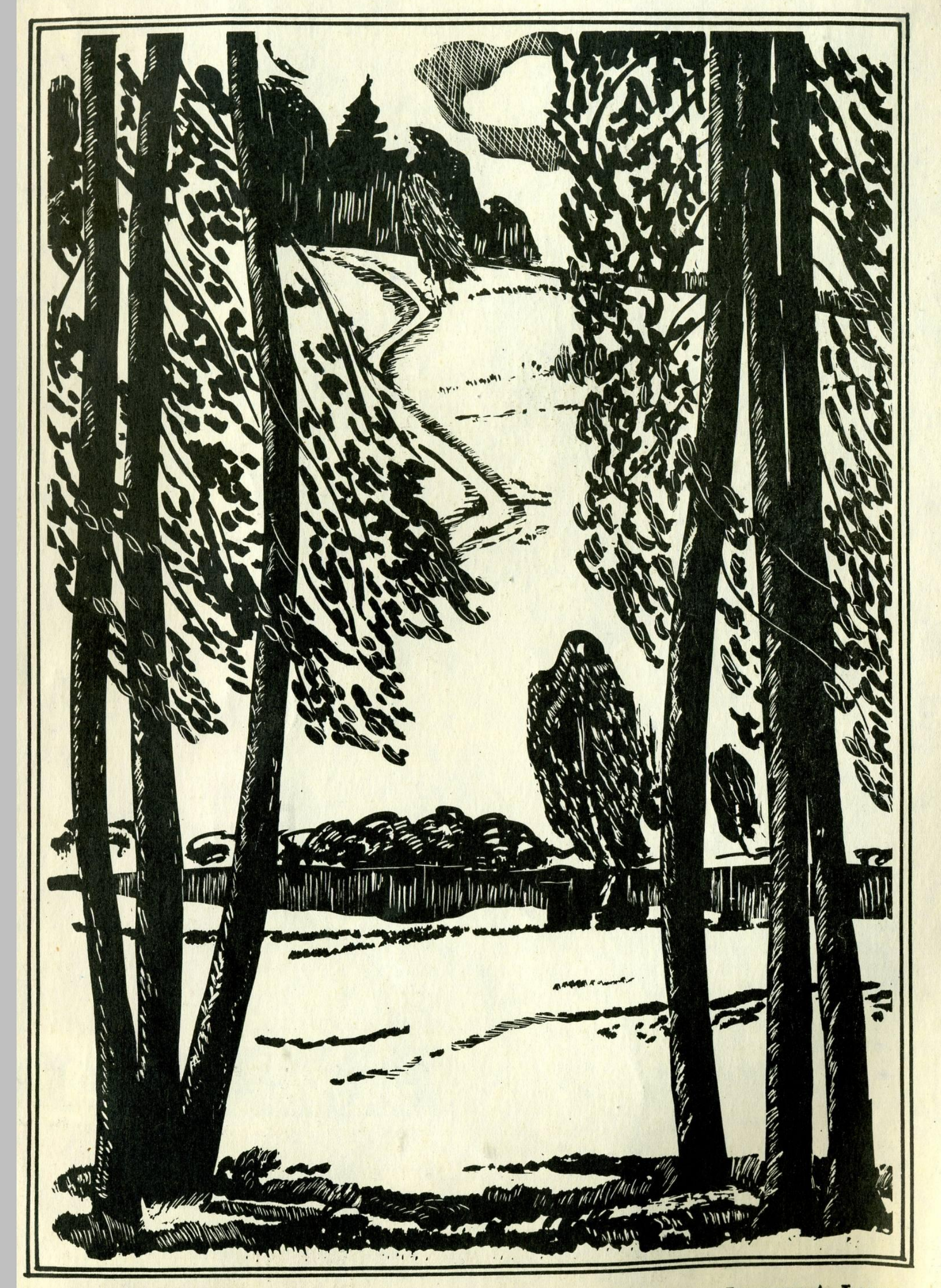

ЮНЫЙ
НАТУРАЛИСТ
71
10

«РОДНЫЕ КОСОГОРЫ» Гравюра А. Тюрина

РОДНИК СЕРДЦА

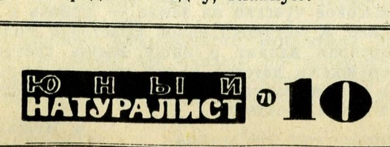
Только скроется дощатое здание тихого полустанка и побежит по холмистому полю знакомая тропка, невольно начинаешь подгонять время: когда же, когда встанут на пути дозорные березы Белой рощи?

Белая роща!

Тут уж идешь не спеша, пытаясь угадать, приметить, что изменилось вокруг с того последнего посещения. И лишь у Марфиного оврага, откуда видны уже вершины тополей, взметнувшихся над деревней, снова убыстряешь шаг. Потому что знакомая тропка обещает много интересных встреч и среди них одну, главную.

Ясно помню то утро послевоенного года, по-осеннему хмурое, знобкое. Хрустит под колесами телеги матовый ледок лужиц, неторопливо плывут над избами серые, в палевых подпалинах облака. Я мысленно понукаю лошадь: «Скорее, скорее к Волчьему займищу!» Впереди, бросив на солому вожжи, сидит мой дед Михаил и почему-то не спешит. Что ему Волчье займище — лесная глухомань, о которой нам, малышне, столько наговорено всякой страшной всячины!

Перед спуском к реке дед все же прихлестнул лошадь, и сразу в телеге что-то

Научно-популярный журнал
ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина
Журнал основан в 1928 году

начало греметь и поскрипывать, а на первой же колдобине так тряхнуло — только держись.

Проезжаем багряный осинник. Снова тряска, жнивье и дорога, уходящая круто к горизонту, где золотится узкая полоска желанного займища.

— Полежи, не скоро еще. — Дед остановил лошадь, перетряхнул в телеге солому и, до глаз укрывая меня тужуркой, сказал: «Не бойсь, разбужу, как приедем».

Проснулся я от тишины. Дед, подтягивая подпругу, тихонько ворчал на лошадь, потом легко снял меня с телеги. Где это мы? Не видно просвета в хитром переплетении ветвей осин и березок, над которыми зеленеют верхушки высоченных сосен. Вот уж и впрямь колодец: вверху изломанный круг неба, а здесь дно с желтым бугорком копны посредине.

После двух таких полян-колодцев неожиданно ослепительной показалась лесная луговина. Словно вкопанные остановились перед нею деревья, боясь переступить запретную черту, откуда начинался колкий ковер скошенной отавы. И столько здесь было воздуха, так горели на этом ковре пестрые крапины осенних листьев, что даже слабый след колеи выглядел неестественным, чужеродным.

Пока дед укладывал на телегу сено и старательно ладил воз, я носился по луговине, собирая самые яркие листья. Дед не обращал на меня внимания, только прикрикнул незлобиво, чтобы я не смел подходить близко к оврагу, который виднелся метрах в трехстах от копны.

Этого было достаточно. Разве можно устоять перед искушением заглянуть с обрыва в отпугивающий полумрак!

Осторожно раздвинув ветви черемухи, ступил я на мягкую дернину, но та сразу подалась и рухнула вниз. Не знаю, успел ли я вскрикнуть, но испугаться наверняка не успел — уж слишком стремительным был этот спуск. Опомнился я на дне оврага, целый и невредимый, без единой царапины. Хотел выбраться наверх, но, как ни старался одолеть по своему же следу коварную крутизну, все напрасно: земля осыпалась под ногами, забиваясь в ботинки, колючие плети ежевики цепляли рубашку, и не за что было ухватиться руками. Оставалось звать на помощь деда, а до его прихода отыскать место поотложе. Медленно побрел я по дну оврага, пытаясь различить в зарослях светлую полоску новой осыпи, и вдруг совершенно случайно наткнулся на родник. Словно нитка из клубка, струился от него по скату узкий ручеек, такой беспомощный с виду: захочешь — спокойно перегородишь ладонью. Но беспрерывно работали в песчаном ложе родника крохотные вулканчики, и в кипении их струй чувствовалось что-то могучее, непреодолимое.

Здесь, около родника, и нашел меня дед.

— Смотри, водничок какой! — воскликнул он с нескрываемым удивлением. Потом зачерпнул осторожно в горсть воды, медленно выпил, причмокивая. — Смотри-ка, хороша! Ну вот теперь будем знать, откуда наша речка течет.

Так я узнал, откуда течет наша речка, и гордился, что первым открыл ее исток, пусть случайно, но все же сам. А повзрослев, понял, как по-доброму хитро поступил тогда дед. Нет, не был ему родник тайной за семью печатями, но он не мог, не хотел отнять у меня радость первооткрывателя.

И еще он, наверное, понимал, что удивления детства остаются с человеком на всю жизнь. Они, как светлые родники, согревают сердце, наполняют его гордостью за родные края, краше которых не сыскать.

Вот о чем каждый раз вспоминаю я, когда встают на пути дозорные березы Белой рощи. И мне приятно и легко оттого, что так же шумит она и кажется такой же огромной другим ребятишкам, что сегодня приходят сюда.

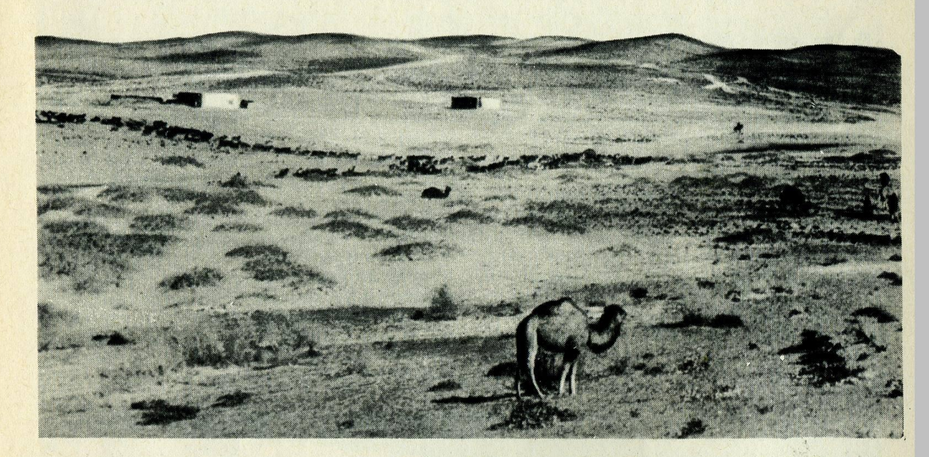
Вот почему я так тороплю время. У меня ведь впереди столько радостных свиданий. И с речкой, и с Волчьим займищем, и с моим тихим родником.

Конечно, беспрерывен бег времени, и многое обновилось вокруг. И когда я ранним утром отправляюсь из села привычной дорогой через осинник и жнивье, с гордостью примечаю и новые добротные фермы, и строгие мачты высоковольтки, и широкую ленту асфальта, что пропадает в займище. Все это приметы нашего роста, неукротимого движения вперед. И с каждым годом их будет все больше и больше. Но так же будут открывать впервые для себя мальчишки исток их реки. И узкая эта полоска ручейка как нить пройдет через многие поколения.

Мне приятно сознавать, что у сегодняшних мальчишек добрые сердца. Я любуюсь молодыми соснами, которых не было тогда, — их вырастили ребята из школьного лесничества, смотрю на стройные тополя, стерегущие покой реки, и не могу сдержать волнения. Если такие заботливые руки у юных, если так благородны их помыслы, значит долго красоваться и расцветать моим заветным местам. Да только ли моим!

У каждого из нас есть свои родники сердца. Их горячие ключи согревают самое высокое чувство на земле — любовь к Родине. К могущественной Советской Родине, которая входит в нашу жизнь светлыми опушками детства и год от года ширится и растет, распахивая перед нами все новые и новые просторы.

В. КУЛАГИН

ПРИХОДИТЕ В ВОДУ

Когда заходишь в туркменский дом, тебе предлагают пиалу и полный чайник горячего зеленого чая. Выпил чайник — ставят второй. Сперва это вызывает недоумение. Но немного погодя понимаешь, что это не каприз и не мода. Это необходимость. А необходимость приводит к привычке. К концу пребывания в Туркмении я без излишней натуги выпивал подряд три чайника — почти пятнадцать пиал.

«Если землю покидает счастье, — говорят каракалпаки, — вода уходит в глубину». «Без воды и земля трескается», — вторят им осетины.

А у туркмен воде посвящено столько пословиц и поговорок, что из них можно составить целый сборник. «Капля по капле — озеро, нет капель — пустыня», — говорят они. Или так: «Красота пустыни — вода».

Я спросил ашхабадского художника Ягмура Кулиева: как сказать по-туркменски «вода»? Ягмур ответил: «Сува гелиэн». И пояснил: это значит не просто «вода», а «приходите в воду».

«Приходите в воду», — приглашают жаждущих туркмены. А где она, вода? Ведь кругом одни пустыни — Каракумы, Кызылкум — черные и красные пески.

Разве есть вода в раскаленных песках?

Сперва мы ехали по дороге. Это был не асфальт и даже не булыжная мостовая. Это был песок.

Вверх — на бархан, вниз — с бархана. Под колесами с зубовным скрежетом трескался и рассыпался сухой, полусгнивший саксаул. Высоко задирая задние лапы, улепетывали суслики. С космической скоростью исчезали серые ящерки. В глубине неба неподвижно, точно прибитый гвоздями, висел орел.

На любой карте Туркмении в центре Каракумов указан населенный пункт Казы. Здесь нет ни одного постоянного жителя. Ни одного!

Мне повезло: в Казы стояла отара овец старшего чабана депутата Верховного Совета Туркмении Дурды Мамедова. Тысячное стадо овец толпилось вокруг двух колодцев. Овцы блеяли, перебегали от колодца к колодцу, лезли друг на друга, наступали на ноги, до глаз окунали морды в холодную мутную воду.

Подле сарая лежали два одногорбых верблюда, с презрением наблюдая овечье столпотворение.

Колодцы в Казы неглубокие — метра три. Стены выложены деревянными чурбаками. Сверху нет никакой надстройки — просто обрамленный четырьмя бревнами люк.

Дурды Мамедов, с воспаленными от пустынных ветров глазами, облезающей ярко-красной кожей на лице, стоял над люком колодца, широко расставив ноги. Сильными, жилистыми руками опускал он в колодец ведро, зачерпывал воду, вытаскивал и выливал в длинные деревянные корытца. Вода попадала овцам в глаза, в уши. Овцы яростно трясли головой, фыркали, но, по-видимому, были весьма

довольны таким незапланированным душем.

Казы, каким я увидел его, — вчерашний день пустыни. Сохранивший, однако, свое значение до сих пор. Ну, а где же день сегодняшний? И завтрашний?

Катер шел против течения. Шел на большой скорости — что-то около семидесяти километров в час.

Элегантный нос катера на подводных крыльях высоко задирался над водой — необыкновенно голубой и необыкновенно прозрачной.

Впереди нас летел баклан. Он не сворачивал и с каждой минутой, слабея, все ниже и ниже опускался к воде. Наконец, не выдержав соревнования с техникой, повернул к берегу.

Мы плыли по каналу. По самому центру выжженных солнцем Юго-Восточных Каракумов.

Бакланы посреди пустыни?

— Что бакланы, — возразил катерщик Николюк. — Здесь все теперь есть. И чайки есть, и сомы на тридцать килограммов, и карп, и даже осетр. Уж осетров-то сюда не селили. И откуда они появились?

Мы плыли по каналу. Он был широкий, очень широкий. Как Нева в Ленинграде. А в некоторых местах и пошире. Каждые десять-пятнадцать километров путь нам преграждали плавучие земснаряды. Они расширяли и углубляли фарватер. По каналу теперь смогут ходить даже морские суда. Небольшие, разумеется. Но тем не менее самые настоящие морские.

Берега канала сплошь заросли крепким желтым тростником. На трехметровой высоте величественно колышутся его пушистые метелки.

Сперва тростнику обрадовались: украшение канала, да и корм скоту. Много отар бродит по берегам канала — от Мары и до Захмета протянулись пастбища совхозов «Москва», «Каракум», «Байрам-Али».

Тростник аккуратно подрезали деловитые овцы. Но тростник не сдавался: все дальше и дальше уходил он в воду. Уходил туда, где овцы уже не могли достать его. Пришлось бороться с настырным тростником иными методами. Завезли с Дальнего Востока прожорливую рыбу белый амур. И теперь она методически выедает все растения, засоряющие русло канала.

Я ехал по Каракумскому каналу и вспоминал недавний разговор в Ашхабаде с инженером института «Гидропроект» Петром Петровичем Федоряковым. На его столе лежала карта четвертой очереди канала. Строители планируют за пятилетку довести канал от Геок-Тепе до Кизыл-Арвата. А к восьмидесятому году — соединить его с Каспийским морем в районе Красноводска.

— Хлопок, виноград, редис, лук, — говорил Федоряков, — практически все поливное хозяйство Туркмении держится на воде канала. Это выгодно, дешево.

Признавая в принципе все методы добычи воды в пустыне, Федоряков убежден, что только канал стопроцентно решит проблему водоснабжения Туркмении. Только канал. И не один Каракумский, но и другие, которые будут построены в будущем. На севере — по древнему руслу высохшей реки Узбой. В центре — по солончаковой впадине Унгуз.

А десятки маленьких мелиоративных каналов, как сетка живительных морщин, избороздят сухое лицо пустыни.

Впрочем, так ли уж сухо в Каракумах?

Кто не слышал о такырах — плоских глинистых площадках, которые в период дождей на время превращаются в огромные озера.

С давних пор туркмены рыли возле такыров глубокие ямы и спускали туда дождевую воду. В этих искусственных хранилищах вода стояла иногда по нескольку месяцев, пока не зацветала.

Ученые подсчитали, что только на такыры — а в Туркмении они занимают три миллиона гектаров — выпадает около ста миллиметров осадков, что составляет ни много ни мало годовой сток Амударьи.

Неужели нельзя собрать всю эту влагу? Нельзя ли создать подземные хранилища пресной воды?

В последние годы Институт пустынь провел несколько экспериментов с такырами.

Николай Лалыменко и Сахатдурды Бердыев организовали естественную лабораторию на пятистах гектарах такыров в районе далекого колодца Сайнак-Сак. Такыр был распахан глубокими бороздами-траншеями, своеобразными «мешками влаги», в которые собиралась вода. Между траншеями были посажены виноград, карагач, айлант, фисташка. Были посеяны арбузы и дыни. Первые опыты оказались удачными.

Сотрудники лаборатории местных вод того же института В. Кунин и Г. Лещинский пошли по другому пути. Пять лет назад на опытном такыре они вырыли огромный котлован. На дне котлована пробурили три десятка скважин. Под землей образовалось гигантское хранилище воды — на шестьдесят тысяч кубометров. Впрочем, хранилище — это не то слово. Пресная вода в окружающих ее песках и соленых водах как бы свободно плавала, и ее легко было извлечь оттуда через скважину. Запаса этой воды вполне

хватит на год двадцати чабанским бригадам.

Самый мощный из существующих ныне такыров расположен в южной части песков Учтаган, около впадины Карашор. Он легко собирает воду на пятнадцать тысяч овец. В районе такыра построена ферма с поселком стандартных домов, школой и электростанцией.

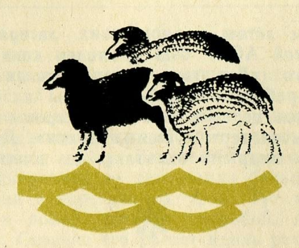

Такыры, конечно, проверенный способ сбора и длительного хранения пресной воды. Но они, к сожалению, есть далеко не везде.

Когда я ехал в Казы, то на всем стокилометровом пути не встретил ни одного такыра. Как быть со сбором атмосферной влаги в этих районах? Ведь не смотреть же спокойно, как вода уходит в песок.

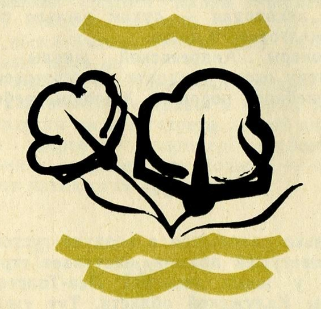
В бестакырных местах пустыни совхозы строят такыры искусственные. Выбирают удобную площадку и заливают ее асфальтом. Да, да! Самым обыкновенным, самым заурядным асфальтом. Каким в городах заливают улицы и площади.

Я спросил Шихи Язклычева, директора совхоза «Бахарден», выгодны ли искусственные такыры.

— Выгодны, конечно, — ответил Шихи. — Но смотря какие, — и он засмеялся. — Асфальтовый такыр площадью в гектар со всеми сопутствующими сооружениями стоит пятьдесят тысяч рублей. Но ведь такой такыр в работе всего два-три месяца в году. А потом — не смущает вас вопрос: есть ли резон асфальтировать пустыню?

Да, резона в этом, конечно, маловато.

Но что поделаешь, если под рукой нет естественных такыров?

Шихи Язклычев совместно с инженером Вячеславом Шабри предложил недавно идею полиэтиленового такыра. Этой весной проводился первый эксперимент.

Представьте себе такую картину. Автомобиль привозит в пустыню рулон двойной пленки, прошитой прочной шелковой ниткой. Размер одного рулона — один гектар. Пленка вдвое дешевле асфальта. Ее можно переносить в любое удобное место. С мая по октябрь — на время засухи — пленка убирается.

Эксперимент начат, подождем теперь результатов. А ведь идея очень заманчивая!

Как только не называют пустыню! Безводная, пересохшая, алчущая, сухая, мертвая, выжженная, пустая, голая... А ведь это неправда. Все эти термины применимы только к поверхности пустыни, к ее песчаной оболочке. А внизу, под толстым слоем песка, почти во всю длину и ширину Каракумов плещется множество пресных подземных морей. И не пустыня виновата в том, что о морях этих люди узнали совсем недавно.

Первое открытие было сделано в начале пятидесятых годов в Западных Каракумах, в районе Копет-Дага. Неожиданно для себя гидрогеологи обнаружили под барханами огромные запасы отличной питьевой воды.

В 1963 году началась эксплуатация этого месторождения, названного Ясханским. Геологи полагают, что здешнее подземное море содержит десять кубических километров пресной воды.

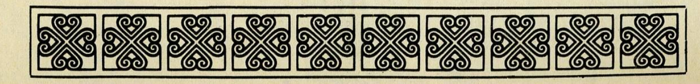
На протяжении веков дожди пронизывали барханные пески. Проходили в глубину, фильтровались. Затем частично расползались, растранжиривались. А частично собирались в одном месте в своеобразные водяные линзы.

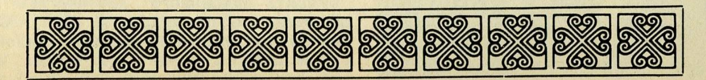
Иногда эти линзы пресной воды устойчиво лежат на водоупорном ложе. Иногда — как, например, в Ясхане — свободно плавают на поверхности гигантского подземного бассейна тяжелой соленой воды.

Пустыня оказалась похожей на ящик с секретом. Снаружи голое, необработанное дерево. И замок. Сумеешь открыть его — получишь все, что захочешь. Наши геологи вплотную подошли к разгадке секрета этого «замка».

Советские люди уже выжали из песков и нефть, и газ, и серу, и золото. Теперь они учатся брать у пустыни воду. И она будет. Пустыня даст человеку столько воды, сколько ему нужно..

В. МАРИН

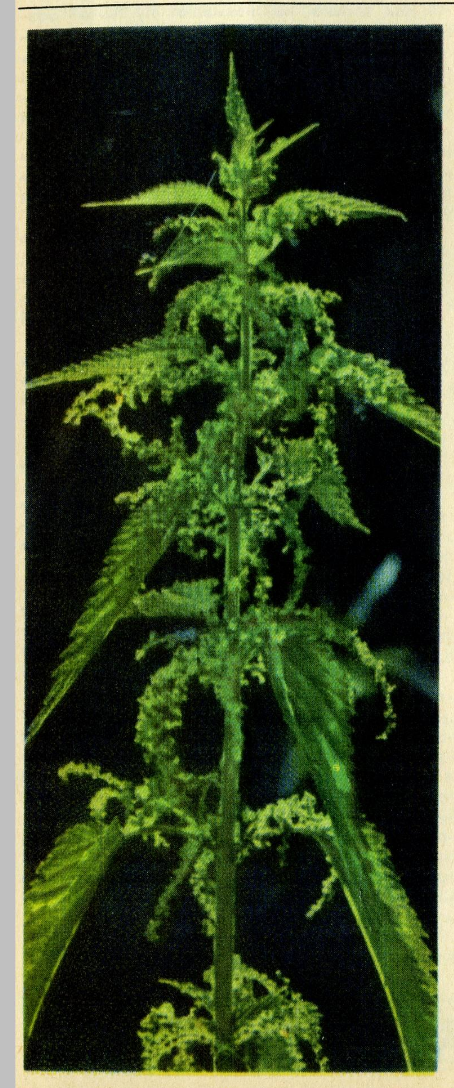

Скоро придет в героический Вьетнам необычная посылка от пионеров нашей страны. В ней будут лекарства и медикаменты, изготовленные из трав, которые собрали сами ребята.

«Лекарства лесной аптеки — детскому госпиталю в Ханое» — так назвали свою операцию советские школьники. Все лето и осень пионерские дружины, отряды, звенья считали своим главным делом участие в этой операции. Где бы ни были ребята: в пионерском лагере или в деревне, в походе или на экскурсии, — повсюду открывали они кладовые лесной аптеки.

Все честные люди Земли поддерживают защитников Вьетнама. Лекарства лесной аптеки — конкретная помощь советской пионерии справедливой борьбе вьетнамского народа за свою свободу.

Этим летом в пионерских лагерях Удмуртской АССР был объявлен конкурс на лучшего сборщика лекарственных трав. Всем ребятам хотелось, чтобы их лагерь оказался первым. Особенно хорошо потрудились пионеры «Лесных полян». Действительно щедрыми оказались их поляны.

Кому больше нравится пасмурная погода, без солнца и жары? Наивный, кажется, вопрос. Но ребята из Андреевской школы Владимирской области подчас ждут именно таких дней. Тогда лучше всего собирать ликоподий. Нежное это растение, и обращаться с ним нужно осторожно, чтобы не разлетались из срезанных колосков созревшие споры. Только собрать колоски полдела, много еще приходится потрудиться потом, прежде чем заполнишь коробку спорами ликоподия — сухим чистым порошком желтоватого цвета.

Пионеры Андреевской школы сдали в аптеку около тридцати килограммов этого целебного порошка. Молодцы ребята!

Только разольется в воздухе густой аромат цветущей полыни, наступает страдная пора у юных лесничих Лев-Толстовской школы Калужской области. Тут уж главное — не упустить момент, ведь полынь собирают в самом начале цветения. Много хлопот доставляет эта горькая трава. Листья нужно оборвать без черенков, осторожно срезать ножом стебли, а самое главное — правильно высушить собранную траву.

Ребята школьного лесничества хорошо освоили все премудрости сбора. Об этом говорят результаты. Десятки килограммов сухой полыни — вот их вклад в Фонд помощи детям Вьетнама.

Не первый год собирают ребята Петропавловской школы Воронежской области лекарственные травы. На учете у них каждая ландышевая опушка, каждая ромашковая поляна в лесу. И в этот сезон отличились школьники — заготовили больше шести тонн лекарственных трав. Тут и ландыш, и подорожник, и зверобой. А еще дягиль. Сколько его растет вдоль речки, по оврагам, по окраинам болот. И собирать несложно. В этом убедились петропавловские ребята. Свыше ста килограммов сухих корней дягиля сдали они в аптеку.

Трудно представить букет ландышей весом почти в двести килограммов. А именно столько целебных цветов собрали пионеры Торбеевской средней школы Мордовской АССР. Конечно, сначала, до сушки, их букет весил больше, но не для вазы же предназначался он.

Круглый год заготавливают здешние пионеры лекарственные травы и сырье. Хорошо известны им все секреты лесной аптеки. Травы зверобоя, например, торбеевские школьники собрали еще больше — около двухсот пятидесяти килограммов!

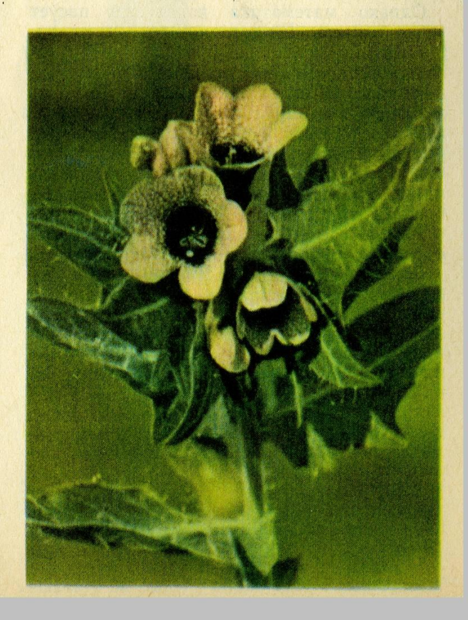
Не удивляйтесь, если, приехав в Чишминский район Башкирии, увидите жарким днем в лесу мальчишек в перчатках. Без такой защиты не обойтись при сборе плодов шиповника. А в здешних местах его много. И на речных поймах, и на лесных вырубках, и на склонах оврагов. Медленно наполняется корзина — то и дело приходится отцеплять от куртки колючие ветки, но зато как приятно возвращаться домой с целым ворохом желтоватых ягод.

Около полутонны плодов шиповника собрали пионеры Чишминского района. Щедро одарила их лесная аптека.

Совсем недавно ребята Усть-Бугалышской начальной школы не очень много знали о горицвете, а о его целебных свойствах тем более. Об этом растении, привлекающем своими золотистыми цветами, им рассказала инструктор по сбору лекарственных трав А. Снегирева.

Вместе с ней ребята не раз уходили в горы, склоны которых славятся редкостным разнотравьем. Домой возвращались с сумками и мешками, полными горицвета. Более ста килограммов горицвета весеннего получат от бугалышских школьников работники фармацевтической промышленности.

ОВРАЖЕК по ЗАКАЗУ

В полевом дневнике пометка: «овраг молодой». Но это не значит, что он недавно появился. Просто вид у него моложавый. А будь овраг в известняках, он миллион лет выглядит моложаво. Выходит, наблюдатель ошибся.

Написать биографию оврага нелегко. Нужно построить научную станцию, пригласить наблюдателей и не один десяток лет присматривать за ростом овражной выемки. Наступила юность, прошли молодость, зрелость — и вот наш герой уже в преклонном возрасте. У него пологие борта, поросшие травой и кустарником. Овраг стал балкой.

Может быть, заполнить биографический листок с помощью математики? Представить жизнь оврага в виде программы для электронновычислительной машины и просчитать его долгую жизнь за считанные минуты? Время от юности до дряхлого состояния сожмется — наблюдатель увидит развитие оврага от начала до конца, узнает, как определить его возраст по внешнему виду, выяснит законы, по которым он живет.

Однако математика пока еще пасует перед оврагом. Ей под силу рассчитать полет ракеты или спланировать работу гигантского комбината. Описать же простейшие явления природы с необходимой точностью всегда трудно, а иногда и невозможно. Скажем, процессы образования рельефа, о которых пойдет речь в статье. Они изменчивы во времени, в них принимают участие механические, химические, биологические явления. Идут эти процессы в разных средах — жидкой, твердой, газообразной, а чаще всего сразу в трех.

Геоморфологи нередко пытаются привлечь на службу своей науке эксперимент на природе. Так, в 1928 году в Рио-Грандском лесу (Запад США) ученые выясняли, как влияет лес на климат, сток воды и эрозию почв. Наблюдение велось за двумя соседними ручьями. Первые восемь лет ручьи находились в одинаковых природных условиях. Затем в бассейне одного из них полностью вырубили лес. И еще семь лет наблюдали. Выяснилось, что на безлесном участке скорость ветра увеличилась втрое, температура на два градуса, весеннее таяние снега наступало на четыре дня раньше.

Не прошло и пятнадцати лет, как опыт закончился. И все равно ученые не считают вопрос решенным. Для точности надо провести хотя бы два таких же затяжных исследования.

Вот почему профессор Н. И. Маккавеев, руководитель лаборатории экспериментальной геоморфологии Московского государственного университета, отдает предпочтение эксперименту. Он пишет: «Эксперимент в лаборатории можно выполнять в любом масштабе времени и пространства. Исследователь как бы вооружается лупой времени и по собственному усмотрению ускоряет или замедляет процессы. Нужно воссоздавать в лаборатории образование оврагов, движение рек, жизнь долин. Но необходимо, и это главное, чтобы модель была «привязана к натуре».

Еще в 1815 году была сконструирована тектоническая машина — ручной горизонтальный пресс для изучения роста горных складок. Куски разноцветной материи и слои влажной глины заменили земные слои. Современная техника позволяет моделировать развитие рельефа с большой точностью.

Не так давно в лабораторию экспериментальной геоморфологии обратились за помощью геологи Южного Урала.

Двадцать пять миллионов лет назад жилы с включениями горного хрусталя пронизывали мощную толщу земных пластов. Ветер и дождь разрушали потихоньку породу, которая скрепляла светлые кристаллы. Потоки воды подхватывали их, сносили в реки, а те отлагали глыбы хрусталя на какой-нибудь отмели. Со временем реки пересохли, и россыпи оказались погребенными под другими породами.

Россыпные месторождения горного хрусталя в конце концов иссякли, а коренных — тех, откуда началось путешествие кристаллов, — найти не удавалось. Уральские геологи считали, что они должны быть где-то рядом. Вода не могла далеко унести «малюток» — так называют геологи большие кристаллы горного хрусталя весом чуть ли не до ста килограммов. А их рядом не было.

Опыт выглядел так. В наклонном лотке шириной полметра и длиной десять метров устроили шероховатое дно реки. Днище залили бетоном и, пока он был податливым, наполовину «утопили» в нем гальку. Сверху положили сто обломков хрусталя разного веса. Самый большой достигал почти пяти килограммов. Затем пустили воду — примерно до шестидесяти литров в секунду. Соотношение модели к «природе» составляло 1 : 10.

Опыт проводился несколько часов. За это время на модели произошло то, что на Урале длилось десятки миллионов лет. Кинокамера зафиксировала весь процесс.

Профессор Н. И. Маккавеев и его помощники сказали уральским разведчикам, что «малютки» могут путешествовать довольно далеко. Даже небольшие потоки способны уносить их за десятки километров. Коренные месторождения надо искать не только возле россыпей, но и далеко от них. Ведь россыпный материал поначалу мог передвигаться и без помощи потоков — достаточно небольшого склона. На каком-то участке глыба прикрывала почву. Вокруг дождь и ветер уносили грунт. А под глыбой он был в неприкосновенности. Постепенно этот участок начинал возвышаться над «округой». Получался как бы гриб: шляпкой служила глыба, ножкой — защищенный холмик земли. Вот глыба наклоняется и делает шаг вниз по склону. Проходят века, и она уже внизу — на дне долины, по которой бежит река.

А бывало и так. Большие тяжелые камни переносились вместе с почвой, которая «плыла» со скоростью нескольких миллиметров или сантиметров в год. Но проходили века — и глыба оказывалась на дне долины.

Вот и приходится все это учитывать, когда занимаешься поисками месторождений. И не только горного хрусталя.

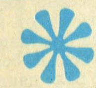
Заодно ученые внесли поправки и в теорию. Давно считалась неразлучной «тройка»: овраг — балка — река. И верно, неразлучна она, однако исследователи установили и обратную последовательность. Им удалось обнаружить погребенные русла рек, которые постепенно пересохли, частично заполнились наносами и превратились в балки. А по балкам пошли овраги. Классическую «тройку» запрягли по-новому.

В моем пересказе исследования лаборатории выглядят довольно просто. Опыт действительно несложный, но он был лишь намеком, в каком направлении вести работу. Ученым хотелось выяснить, верно ли, что тяжелые глыбы далеко уползают от места рождения. Они решили найти подтверждение в природе. Какой район сейчас больше всего напоминает Южный Урал двадцать пять миллионов лет назад? Колхида и Ленкорань с влажным субтропическим климатом. И вот сотрудники лаборатории уже в экспедиции. Окрашенные камни расположены в логе, выбранном для наблюдения. На одной линии «крупный камень весом 14,25 килограмма сместился сначала на 0,5 метра...» — это строка из отчета.

Окончание на стр. 23.

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

ОКТЯБРЬ

Тих и неприветлив с виду лес в эти осенние дни. Срывает ветер последние листья с берез и осин, только дубравы с завидным упорством берегут свой летний наряд.

Хоть редко выпадают теперь погожие дни, пугает осень нудными дождями и слякотью, все равно много интересного подарят лесные просеки и опушки. Недаром ведь называют октябрь порой черной тропы. Сумеешь разгадать хитрые переплетения звериных следов — откроешь для себя не одну увлекательную сцену из жизни обитателей рощ и перелесков.

Белки в нашем лесу постоянно не жили. Елок в нем росло мало, а орехов совсем не было. Только сосны, и то не каждый год, приносили скромный урожай шишек. В те годы, когда появлялись шишки, белки заглядывали в наши края, строили на густых соснах свои теплые гнезда и выводили маленьких бельчат. Бельчата подрастали, к осени становились взрослыми белками и вместе с родителями отправлялись в долгое путешествие на поиски пищи.

Заглянут иной раз белки в летнее время, когда еще не страшно путешествовать и для ночлега не нужны теплые гнезда, посмотрят, что нет спелых шишек, обегают весь лес и быстро уйдут, чтобы до холодов подыскать себе такой лес, где можно прокормиться всю зиму.

Придет зима в лес, занесет снегом лесные тропы, укроет елочки пушистыми шапками — пусто и одиноко станет в лесу. Ну хоть какой-нибудь зверек показался бы на глаза, хоть раз мелькнула бы в сосновых ветвях огнехвостая белка.

Ходить по пустому лесу невесело. А что, если летом, когда белки заглядывают на разведку, взять да и прикормить пушистых гостей? Может, тогда они и останутся у нас на зиму. Я отыскал в лесу тихое и удобное место, поставил на пень кормушку и каждый день стал ждать белок. Каждый день я приходил в лес с собакой и ждал, когда она обнаружит зверьков-путешественников и громким лаем объявит, что белки пришли в гости.

И вот появились первые белки. Собака подняла голову к высокой сосне и залаяла. Я поторопился на ее лай и на вершине дерева увидел ярко-рыжую белочку. К вечеру я принес на кормушку приготовленные заранее шишки, кусочки сухарей и семечки.

К следующему дню на кормушке от угощений ничего не осталось. Правда, в кормушку — я установил по оброненному перышку — заглядывали сойки, и даже дятел утащил одну шишку, пристроил ее на соседнем дереве и всю раздолбил, добираясь до сочных семян. Но главное, что кормушку отыскали белки.

Я снова положил на кормушку шишки и семечки, а на сухих сучках повесил еще и грибы. Белки ежедневно посещали кормушку.

Иногда я прятался в кустах и видел, как по стволу сосны спускается, прислушиваясь, небольшой рыженький зверек. Белочка касалась лапками дощечки кормушки, хватала шишку и вскакивала на дерево. Никто не пугал зверька, белочка неторопливо и опасливо опять спускалась по дереву.

Проходили дни, мои гости становились смелей, спокойно прыгали по кормушке и выбирали угощения получше. А вскоре белочки шелушили на кормушке сосновые шишки, роняя чешуйки около столовой. С каждым днем белок становилось все меньше. Перестали посещать кормушку и некоторые мои знакомые. Неужели ни шишки, ни сухари, ни сухие грибы не удержат белок?

Лес облетел, нахмурился. Улетели и снегири, потому что в этом году в лесу был неурожай рябины. Но три белочки по-прежнему посещали столовую. Я наблю-

дал за пушистыми друзьями, знал, где они ночуют, и, когда заметил, что белочки начали утеплять свои гнезда, успокоился: белки остались зимовать.

Не прогнала их и зима. Каждый день я приносил маленьким друзьям обед, но уже не прятался от них, а чуть отходил. Белки тут же спускались на кормушку. Они меня не боялись. Весной у отважных зверьков появились бельчата. К лету они подросли и привыкли к кормушке. Когда в лес заглянули беличьи отряды, мои белки быстро подружились с путешествующими зверьками. Когда путешественники покинули лес, на кормушке я увидел пять зверьков, которые остались на зиму. Кто эти зверьки? Мои старые друзья, их дети или другие белки? Этого я не знал. Но на меня теперь ложились новые заботы. Всю зиму подкармливать пять белок.

Только я вошел в лес, как увидел осиновый стволик, на котором аккуратно была срезана кора. Срезал ее небольшой зверек размером с кошку. Иначе бы он не стал возиться с маленьким деревцем. Рядом стоял еще один стволик осины, который погрыз зверек. Я обошел вокруг молоденького осинника и обнаружил погрызенные осинки. Хотя не было никаких других следов, я определил, кто лакомится осиновой корой.

Догадались, кто погрыз деревца? Если этот вопрос покажется вам легким, то выслушайте следующий рассказ.

Из осинника я направился к молодым сосновым посадкам. Сосенки посадили шесть лет назад. Они подросли и скоро будут называться настоящими соснами. Все лето я охранял деревца, следил, чтобы никто не сломал ветки. Когда я подошел к ним, то не поверил глазам. Вершинка сосенки обломана, она висела на одной узенькой полоске коры, а молоденькие веточки были смяты, будто кто-то объел их. Сначала я так и решил, но тут обратил внимание на объеденные веточки. Я осмотрел все посадки и нашел несколько обломанных верхушек. Мне стало ясно, кто обидел сосенки. Я отправился к лесникам, чтобы сообщить неприятную новость и решить, как сберечь молодые посадки от разбойников.

Напишите мне, как сохранить деревья от разбойников. Жду вашей помощи, следопыты.

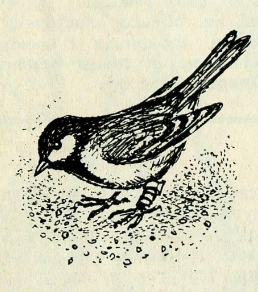
Хотите, чтоб куропатки прилетали из леса на школьный двор! Тогда устройте им такие кормушки, как это сделали ребята села Ильинского Московской области. В самом ближнем овраге, заросшем кустарником, соорудили юные лесоводы маленький шалаш. Нет, не для того, чтобы жечь костры или укрываться от дождя, а для куропаток. Каждый день насыпали ребята под навес зерно для пернатых гостей, и птицы быстро узнали гостеприимных хозяев. Привыкли к ним. Даже во двор школы частенько залетали, а иногда оставались на ночевку.

Любят ильинские школьники свой лес, берегут и охраняют его зеленый наряд. Чтобы привлечь птиц, изготовили и вывесили скворечники, а на опушке соорудили беседку. Теперь каждый грибник может перебирать здесь боровики и подосиновики, опята и лисички. И людям приятно, и лесу польза — меньше мусора остается на его полянах.

«Однажды я нашел синичку, у которой из лапки текла кровь. Дома я перевязал ей лапку и накормил. Когда лапка зажила, я выпустил синичку. Часа через три кто-то постучал в окно. Я увидел мою синичку. Я дал ей семечек. Поклевав семечки, синичка улетела. С тех пор я каждый день слышу стук в окно — это синичка».

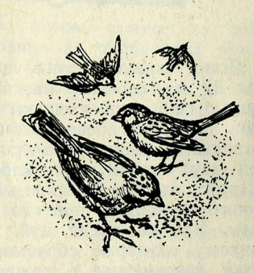
г. Донецк — **ВИТЯ НЕТРЕБА**

«Всегда говорят, что воробей — спутник человека, где человек, там и воробей. Главное, что связывает его с человеком, — это возможность легче добыть пищу. Синица тоже живет рядом с человеком. Но она осторожнее воробья. Синице хочется улететь из шумного мира, но ее удерживает зимний голод. Мороз заставляет ее залетать в сараи и подъезды, а иногда и в магазины. Как только выпадет снег, синица подлетает к жилью человека. Весной она отправляется в лес, где высиживает птенцов. Осенью с новым поколением она прилетает к людям.

Юные натуралисты, у меня к вам просьба. Если кто хочет дополнить мои наблюдения или со мной не согласен, напишите мне по адресу: Новосибирск, 27, 2-Ельцовка, 34, Буков Борис».

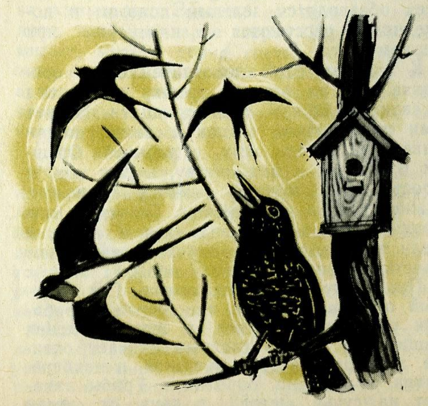
«На моей кормушке обедали воробьи и синицы, но один раз прилетела сойка. Она села на кормушку, и я решил, что кормушка сейчас упадет. Но сойка огляделась по сторонам, схватила кусочек сала и улетела. Потом кормушку посетили еще четыре сойки. Они жадно хватали сало и не подпускали к нему синиц и воробьев. Наевшись, сойки улетели, и только тогда другие птицы принялись за еду. Но сойки все съели, остались одни крошки. Я насыпал снова семена и нарезал кусочки сала. Вот какое событие произошло у меня на кормушке».

г. Киржач
Владимирской области — **ВОВА УСКОВ**

Здравствуйте, мои дорогие друзья. Наступил октябрь, месяц прощания с последними перелетными птицами. Грустно расставаться с летними друзьями. Но недавно ласточки и скворцы прилетали попрощаться со мной. Прилетали в деревню, где были их гнезда.

Когда у ласточек подросли птенцы, я заметила, что в деревне стало меньше этих проворных птиц. К сентябрю ласточки исчезли совсем. Я подумала, что они улетели на юг. Я даже обиделась: как это они улетели, не простившись! Вдруг в начале октября в деревне я увидела ласточек. Они сидели на проводах и о чем-то щебетали — переговаривались. Ласточки несколько дней охотились на оставшихся насекомых, ночевали под крышами домов и только потом улетели на юг. Вот какие ласточки внимательные птицы. Только я подумала об этом, как увидела около скворечников скворцов. Скворцы, как и ласточки, в середине лета улетели из деревни. Скворцы заявились большущей стаей и направились в свои скворечники. Они по очереди залезали в домики, недолго сидели там, вылезали обратно, прыгали по крышам скворечников...

Почему перед отлетом ласточки и скворцы навещают свои гнезда?

Говорят, что не только ласточки и скворцы прилетают прощаться с гнездами. Напишите мне, какие птицы прилетают прощаться перед отлетом.

Ясени скинули летние доспехи. Но кроны их и безлистые насквозь не просматриваются: ветки увешаны монистами плодов. Зато как посветлели березняки! Белоствольные рощи сквозят, упираясь голыми верхушками в тусклое осеннее небо. Шумит, голосит порывистый ветер. Ручьями гонит опавший лист по стежкам-дорожкам. Как ни тверд дуб, и тот поддался лихому октябрю: сбрасывает ржавые листья вперемежку с тяжелыми желудями. Вместе с дубами обнажаются седые вязы. Их морщинистые листья и на земле свежи. Упрямо шелестят лишь одни тонкие тополя да садовые сирени, они раньше всех обзаводятся зеленым пологом и последними расстаются с ним, уже при первом снеге.

К холодам еще хлопотливей стала ореховка. Не по одному орешку носит она к своим тайникам, а по тридцати. Набьет ими подъязычный мешок и летит, покрикивая: не пустая лечу, с добычей. Орешки припрячет и под листву, и под мох, и просто в земляную ямочку положит. Даже синички не беспечны. Гаички и московки подбирают семена елей и сосен, а коли поохотятся, то и паучков, стаскивают съестные припасы в щели коры.

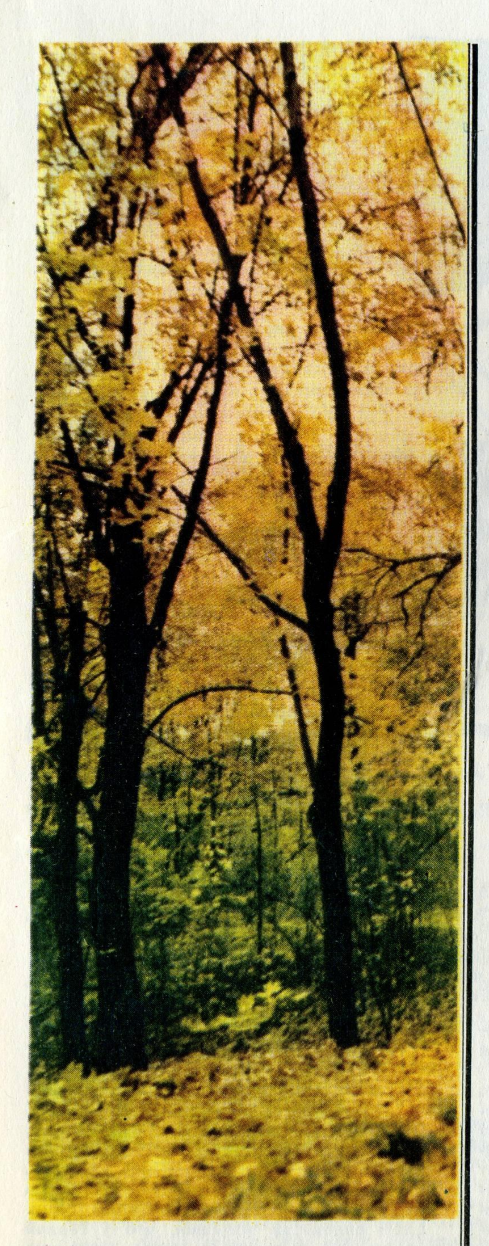
Про белку и говорить нечего. Где тяжелый орешек подберет, где плотный грибочек раздобудет — все в свои владения тащит. Из грибов главным считает опенки, хотя припрячет и масленок, и подберезовик, и, конечно, боровичок. Грибы наколет на сучья, метрах в двух от земли (чтоб никакой снег не завалил). А как подсохнут — по дуплам припрячет. У среднерусских-то белок запас невелик, всего каких-нибудь десяток грибов, а вот у их сибирских подружек телеуток запасы до трех тысяч сухих грибов на каждую обладательницу голубой шубки. И собирают они только крепкие маслята.

«Белые мухи» подстегнули белочку. То-то хлопотунье не след выходить в легкой летней одежке. Пора обзаводиться зимней голубой шубкой, пора хвост роскошным волосом подбить, а на ушках кисточки отпустить. Заяц и тот за обновки принялся. Белеет с ног, меняя землистый цвет на светлый, снегу под стать. Только вот снег-то не скоро установится, а переодетым не по сезону не разбежишься — заметен отовсюду. Вот и отсиживается косой в открытом понизовье, в лесу листья пугают. Немало натерпится страху, пока дождется первопутка.

В октябре отлетают из средней полосы вертишейки, пеночки, сорокопуты, коростели-дергачи. Из тундры прилетают вьюрки, с севера прикочевывают снегири. Для тетеревов в березняках и ольшаниках приготовлено угощение из березовых и ольховых почек. Рябчики перемещаются на довольствие в ельники, глухари — в дубравы.

Зачастили, заладили дожди-водолеи. Рано гаснет небо, незаметно подкрадываются сумерки. С вечера густеющая толща тумана переползает за края низин и наполняет просветы в садах, протягивается сизой дымкой над сжатым полем. Воздух, напоенный запахами отмякнувшего сена, спелых яблок и поздних цветов, к утру сыреет, осаживаясь обильной росой. Но зато, когда выглянет из-за облачных гряд солнце, окрестный вид сразу засияет, наполняясь всем великолепием позднеосенних красок.

Отговорила роща золотая. Глубокая осень до морозов торопится сорвать с деревьев их летнюю красу.

Балет на воде

Ночь. Не спеша загребаю веслами. Луна за кормой то вытянется в золотую нитку, то рассыплется на мелкие осколки. На подмытом берегу дремлет молодая верба, опустив ветки. В воде она виднее, чем на берегу. Когда проезжаю мимо, она вытягивается, рассыпается на черные и серебристые блики и, поколыхавшись, попрыгав, снова застывает в неподвижности.

Всматриваюсь в заросший камышами берег — не прозевать бы едва приметного въезда в Малую Бирючку. А вот и темная прогалина в зарослях. Нацеливаюсь в нее и сильнее загребаю веслами. Каюк с разгона ныряет в дыру и скользит в темном и узком тоннеле.

Уже, наверно, очень поздно. Я вгоняю каюк в камыш.

Долго ужинаю, потом сажусь на дно лодки и прикрываюсь до подбородка телогрейкой. Луна пошла под уклон. Под нею блестят камыши, спрыснутые ночной росою.

Хорошо под телогрейкой слушать ночные шорохи. То покряхтит спросонья лягушка и плюхнется в воду, то пискнет в зарослях курочка, то прожужжит над головой жук-навозник — верный признак хорошей, устойчивой погоды, — и снова ни звука. Закрываешь глаза и тут же видишь, как колышется под кустом луна, как неслышно опускаются у берега утки, и все тонет, тонет в мягком и теплом тумане...

...Короткий дикий вскрик. Вздрагиваю и открываю глаза: низко надо мной медленно и важно летит цапля. Луна уже где-то за камышами. Звезды на востоке стали ярче, особенно ярко горит Венера и все мигает, мигает, точно свечка на ветру — того и гляди погаснет. Ветра совсем нет, а верхушки камыша зашептали, слегка наклонились и снова затихли. С востока потянуло прохладой.

Пора в засидку.

Небо чуточку светлеет, становится нежно-бирюзовым. Вода у берега разрумянилась, будто ее разогрели из-под низу на огромных кострах до светло-вишневого накала. Кажется, брось в нее полено — загорится. Надо мной пролетает табунок чирков. Я засмотрелся на полыхающий залив и не успел вскинуть ружье.

Над соседней засидкой появляется селезень. Делает залет, идет на посадку. Вот уже расставил лапки, прикасается ими к раскаленной воде и вдруг взмывает, словно обжегся. Жду выстрела, а его нет. Выхожу

из засидки: да в чем же дело? Уснул, что ли, сосед?

У куста чернеет сиротливо одинокое чучело.

«Провооронил», — с огорчением думаю я и смотрю, как быстро удаляется селезень. И когда он превратился в еле заметную точку, из куста вдруг брызгают два снопика огня.

Ба-бах! — грохают одновременно два выстрела.

Куст задвигался, послышался всплеск воды. «Что за чертовщина? Не случилось ли чего?»

Вешаю на плечо ружье, бегу к соседу. Дно песчаное, твердое, воды чуть ниже колена, но бежать трудно, сердце прыгает в груди. Подбегаю. Резиновое чучело опрокинуто вверх дном. Из куста посматривает на меня смуглолицый парнишка и то хмурится, то смущенно улыбается. Со штанки и брюк ручейками сбегает вода. Он отряхивается, продувает стволы ружья.

— Что случилось? — спрашиваю.

Парень отводит в сторону глаза и молчит. Потом, бросив на меня короткий, исподлобья, взгляд, опускает голову.

— Шарахнул сразу с двух, — говорит он глухо.

— Похвально!.. Два пальца сунул на спусковые крючки, что ли?

— Да-а.

— А чего ж не всю пятерню?.. Как тебя зовут?

Парень смотрит на меня настороженно:

— Славик... А что? — И он на всякий случай достает из кармана новенький охотничий билет, завернутый в чистую бумагу.

Я желаю ему удачи и отправляюсь восвояси.

...Солнце уже высоко поднялось и начинает припекать, но в засидке все еще лежит на листьях камыша серебристая роса и держится утренняя прохлада. Славка два раза стрелял и один раз выбегал зачем-то. Я начинаю собирать чучела. Глянув на меня, Славка выталкивает свой каюк.

Едем рядом на островок, что у Малой Бирючки. На подвеске у парня болтается одинокая шилохвость. Он поминутно посматривает на нее, прикасается к ней рукой, а я украдкой посматриваю на него: кто он?

На острове Славка снимает с себя мокрую одежду, расстилает на траве посушить, а я собираю «стол».

Остров небольшой, голый, только оброс по краям камышом. Года два назад тут поднялся было тополек, видно кем-то посаженный, но следующим летом его не стало: кто-то срубил. Оставшийся пенек веснами обрастает гибкими широколистными побегами, но им тоже не дают подняться: срезают кому не лень.

Славка щупает босой ногой острый пенек, спрашивает:

— Что это, деревцо срублено, что ли?

— Как видишь, срублено. Тополек был.

— Да что вы! — удивляется парень. — Как же у человека рука поднялась срубить?

— А вот уж поднялась, — говорю я. — Садись к столу.

Славка стоит над пеньком, потом садится на плащ-палатку, говорит:

— А знаете, какая красота, если б вырос?.. Тут и холодок и... вообще.

Завтракаем не спеша. Из разговоров кое-что узнаю о пареньке. Мать — портниха в горбыткомбинате, отец — механик. Работает в «Сельхозтехнике». Славка тоже с отцом. Недавно сдал на второй разряд токаря по металлу. В этом году закончил «вечерку», теперь мечтает поработать с геологами, только не знает, как к ним попасть.

— Чего ж не стрелял селезня? — спрашиваю.

— Какого?

— Ну, что перед тобой садился. Дремал, что ли?

Славка с преувеличенным старанием присаливает разрезанный огурец, улыбается:

— Кизиловку дразнил.

— Как дразнил?

— Ну, она села передо мной на камышинку и рассматривает меня то одним глазом, то другим, а сама: цик! цик-цик! Я показал ей язык. Она вытянула шейку и смотрит на меня, как на чудака. Смешная такая. А когда глянул одним глазом из засиды, а с воды крыжак снимается.

— Ну и растерялся?

— Да нет, — опять смущенно улыбается Славка. — Боялся кизиловку спугнуть.

Этот «чудак» начинал мне нравиться.

Знойно. Вода в заливе неподвижна, точно лежит под тонкой коркой первого льда. Над заливом мельтешат пискливые крачки и все припадают к воде, точно целуются со своим отражением. На отмели, под большой темно-зеленой кулигой чакана, стоят белые цапли. Их штук двенадцать. На зеленом фоне они кажутся празднично белыми, стройными, словно девушки-хористки в белых платьях на сцене. Шеи вытянуты. Славка медленно жует и не сводит с них прищуренных глаз.

— Чего они выстроились? — спрашивает. — Рыбалят, что ли?

Я тоже любуюсь цаплями. Вот одна, крайняя справа, расставив коромыслом пышные крылья, делает подружкам смешной поклон: куцый пучок хвоста взлетает кверху, а вытянутая шея и длинный нос почти касаются воды. Потом, помахивая крыльями и грациозно покачивая головой, идет приплясывать: полуоборот влево, полуоборот вправо, затем подскочит высоко, обернется на полный круг и снова поклон в одну сторону, поклон в другую. Шея змеей извивается, голова покачивается, точно тяжелый стручок на тонком стебле. А сама все движется вприпрыжку, пританцовывает.

Потом складывает крылья, вытягивает вперед шею, отчего делается длинной и острой, бегом возвращается на место. Тотчас другая, распустив коромыслом крылья, выбегает вприпрыжку на середину, и все начинается сызнова: тот же смешной поклон, те же ужимки и прыжки, то же покачивание головой.

Славка совсем перестал жевать, не сводит удивленных глаз с цапель, спрашивает, пораженный:

— Так они танцуют, да?.. Вы полюбуйтесь, ведь танцуют!

— Выходит, что так, — говорю и тоже смотрю на «балерин». Такое-то увидишь не часто.

Славка молчит, потом пожимает плечами:

— Удивительно! Цапли танцуют! Сказал бы кто, ни за что не поверил бы.

— Почему не поверил бы? — спрашиваю. — Журавли тоже танцуют, и некоторые кулики, например ходулочники.

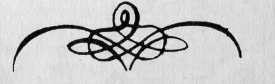
Он с сомнением смотрит на меня, говорит:

— Так, значит, «Танец маленьких лебедей» не выдумка композитора... Странно даже: балет на воде!

С его смугловатого лица не сходит тихая раздумчивая улыбка. Мне кажется, что он и уснет сегодня с этой улыбкой, и у станка завтра будет стоять с ней же. И если ему захочется рассказать кому-то об увиденном и перечувствованном, то расскажет не первому подвернувшемуся под руку, а самому близкому, как самое сокровенное. Такое не всякому можно поведать, да и не всякий тебя поймет.

...В полдень мы трогаемся в обратный путь.

Г. ГАСЕНКО

ЛЕСНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Об этих интересных птицах рассказывается великое множество сказок. Было даже время, когда люди искренне верили, что у райских птиц нет ни ног, ни крыльев и что они действительно обитают в раю. Автор этой статьи изучал райских птиц в их естественной среде обитания. Вот что он рассказывает о своих наблюдениях.

ритаившись в кустах; я смотрел на самца райской птицы. Он усердно очищал от листьев круглую площадку на земле диаметром метров в пять. Самец взбирался даже на молодые деревца и обрывал листья, тень от которых падала на выбранное им место. Наконец сцена была готова.

Происходило это в горах Новой Гвинеи. Я случайно наткнулся на райскую птицу. Как только я понял, что именно предстоит мне увидеть, я поспешно соорудил шалашик из нескольких пальмовых листьев и уселся в нем. Я сгорал от нетерпения увидеть своими глазами необыкновенное зрелище.

Величественный, ярко раскрашенный самец большую часть дня провел на сцене в одиночестве. Лишь иногда улетал в глубину леса, вероятно для того, чтобы присоединиться там к другим птицам, пирующим на каком-нибудь дереве. О его возвращении я догадывался по шелковистому шелесту крыльев — звуку, характерному для многих видов райских птиц.

Часто он взлетал на ветку у самого края площадки и чистил свои перышки. Правда, самец то и дело прерывал свое занятие и слетал вниз, на сцену, чтобы оттащить в сторону упавшие с дерева листья, убрать в сторонку мучающий его своим безобразным видом прутик или унести занесенную шальным ветром соринку. Через равные промежутки времени самец издавал характерный крик «кар-кар» — призыв, извещающий всех и повсюду о том, что он, великолепный самец райской птицы, готов к свадебному обряду.

Но только однажды удалось мне услышать ответный призыв самки. Вскоре появилась сама героиня — небольшая птичка коричневатого цвета с коротким хвостом. Снизу ее тело было темно-желтым с коричневыми полосами. Более ярких цветов в ее наряде я не заметил. Самец же был одет очень ярко: красная спинка, блестящее желтое кольцо из перьев вокруг шеи, радужно-переливчатый зеленый щит, украшающий грудь, и тонкие, длинные, нитевидные хвостовые перья.

Птицы встретились. Вначале они поприветствовали друг друга, то приближаясь, то удаляясь. Закончив первую часть свадебного ритуала, самка вспорхнула и села на ветку точно над самцом.

Теперь наступило время пернатому артисту показать свое искусство. Ухватившись ногами за свисающую ветку, он вытягивался, поворачивался грудкой вверх, показывая ее подруге. При этом зеленый грудной щит птицы принимал матовый оттенок и делался шире, а его желтые перья на шее оттопыривались. Представление длилось долго. Наконец очарованная самка спорхнула со своей веточки. Вероятно, это означало, что она согласна на брак.

Вскоре самка отправилась сооружать свое чашеобразное гнездо. В нем она высидит яйца, выведет, выкормит и воспитает двух птенцов. Отец же не примет участия в воспитании детей. Он по-прежнему будет давать свои концерты, и, может быть, к нему прилетит новая подруга.

У каждого вида райских птиц свое представление. Одни выполняют его на вершинах деревьев, другие почти над самой землей. И только два вида райских птиц очищают для представления площадку на лесной подстилке. Самые крупные самцы одного вида собираются группами и исполняют коллективные танцы.

Существует более сорока видов райских птиц, и все самцы имеют необыкновенные, порой даже причудливые украшения. Сказочная красота их оперения привлекла внимание европейцев. Впервые райские птицы были привезены в Европу испанцами в 1522 году. Это были шкурки новогвинейских птиц без ног и без крыльев. Торговля процветала с каждым годом, и в конце девятнадцатого столетия птиц уничтожали десятками тысяч. Впрочем, к началу двадцатого века интерес к райским птицам заглох, и торговля шкурками зачахла. Зато в начале двадцатого века сильно возрос интерес к самим птицам. Их стали содержать в неволе. В Новую Гвинею снаряжались экспедиции натуралистов, которые должны были скупать райских птиц у местных жителей.

Леса занимают почти всю территорию Новой Гвинеи, в большей своей части они непроходимы. Путешественнику, задумавшему пересечь эти лесные просторы, приходилось сталкиваться со многими трудностями. И не удивительно, что о повадках райских птиц больше известно по наблюдениям за птицами, содержащимися в неволе.

Оказалось, что райские птицы хорошо переносят неволю и содержать их нетрудно. Кормят птиц фруктами и насекомыми. Молодые самцы первые несколько лет своей жизни по оперению ничем не отличаются

от самок (продолжительность жизни райских птиц в неволе колеблется от двенадцати до двадцати лет). Один раз в год взрослые самцы линяют, как это бывает у большинства других птиц. Период линьки длится от четырех до пяти месяцев.

Интересно, что в неволе райские птицы также любят давать представления. Концерты их можно увидеть даже, когда самцы содержатся в клетках без самок. Но птенцы в неволе выводятся очень редко. Возможно, оттого, что птицам тесно в клетках, а может быть, в их питании недостает фруктов. Райские птицы содержатся в зоологических садах многих стран мира, и в некоторых из них, например в садах Сиднея и Швеции, птенцы выводились.

На родине райские птицы питаются поразному. Одни едят только фрукты, другие разнообразят свое меню крупными насекомыми, небольшими древесными лягушками и ящерицами.

Несмотря на то, что добывать райских птиц очень трудно, в настоящее время им угрожает опасность полного уничтожения: перья райских птиц высоко ценятся туземцами.

АУСТИН Л. РАНД

Перевод с английского

ОВРАЖЕК ПО ЗАКАЗУ

(Окончание. Начало см. на стр. 10)

Потом химические анализы, изучение пород под микроскопом, теоретические расчеты — здесь уже помогает математика. И наконец рекомендации идут на Южный Урал. Эксперимент сыграл роль первого камешка, начавшего лавину исследований. Профессор Н. И. Маккавеев называет этот первый камешек драгоценным. Эксперимент вечен, как драгоценность, — и через много лет он будет помощником в исследованиях.

От хорошей песни — хорошее настроение. От хорошего эксперимента — хорошая практика.

Сейчас на Ленинских горах в лаборатории экспериментальной геоморфологии ищут якутское золото. Задача та же, что и с горным хрусталем: найти коренной источник драгоценного металла. Работа еще не кончена. Она достигла, так сказать, высшего накала, но уже намечены секторы, в которых следует искать.

Профессор Н. И. Маккавеев изучает реки уже 35 лет. Амударью он выделяет из всех: если в режиме любой реки мало порядка, то поведение среднеазиатской — это хаос сверх всякой меры. Амударья необузданна, ее порывы всегда неожиданны и опасны для людей. Перед Великой Отечественной войной река за две недели сбила тогдашнюю столицу Каракалпакии — город Турткули. Река буквально набросилась на него, бешено размывала берег, надвигалась на дома со скоростью десять метров в сутки.

Уже много лет Амударья зло играет с портом Термез. То начнет подмывать землю под портовыми сооружениями, то уйдет от причалов на десятки метров.

Н. И. Маккавеев и его сотрудники открыли некоторый порядок в буйных метаниях среднеазиатской реки. Словно конец кнута, бьется она между берегами: удар приходится сначала на один берег, ровно через семь лет на другой. Все зависит от комбинации бродячих мелей. Они движутся по дну реки шахматным строем. Песчаное войско может расположиться так, что искривит речной поток, направит его на порт, и вода начнет с силой бить о берег. Или, наоборот, поток ослабнет — и река отступит от порта.

Сейчас сотрудники лаборатории ищут способ, как обуздать ее.

Эрозия, пожалуй, самая опасная болезнь земли. За две зимы поля Северного Кавказа лишились до десяти тысяч тонн почвы с гектара. Ее унесли зимние ураганы. На место бедствия выехали геоморфологи лаборатории. Они выяснили, из каких мест больше всего унесло грунта и где он осел. Результат работ — план борьбы с эрозией, который уже кончают составлять.

Для Кабардино-Балкарии и такой план уже составлен. В нем учтены все мелочи: где сажать деревья, а где пасти скот и делать террасы для садов. Овражная эрозия — уже не просто болезнь земли. Это смертельные ранения.

«Жизнь лабораторного овражка как на ладони». Это слова профессора Б. Ф. Косова, руководителя одного из отделов лаборатории. Он рассказывает об овражном моделировании.

На небольшой платформе укладывают слой песка. Над ним устраивают душ, который представляет в эксперименте «дождь в единицу времени». Все, что смоет он, улавливается и бережно сохраняется в специальных приспособлениях. Взвесив смытый материал, можно сказать, сколько килограммов унесли потоки. Это уже факт из биографии овражка. Другой факт — размеры выемки, возникшей, например, после трехчасового пребывания под дождемдушем. А что будет после шести часов полива? А если изменить интенсивность дождя? Словом, овражек по заказу — с момента зарождения и до периода дряхлости. А затем исследования проводятся по известной схеме: теоретические расчеты — наблюдения в природе. И конечно, рекомендации.

Раньше считалось, что предупредить овраг можно посадками. Действительно можно, если кустарник или деревья успеют вырасти. А если не успеют? Ведь есть овраги, растущие со скоростью нескольких метров в год? И ученые изучают скорость, с какой образуются овраги в тех или иных породах, и могут указать защиту от них.

Сейчас с оврагами борются и так: засыпают с помощью современной техники. В каких районах это выгодно? В Молдавии, например, на территории бывшего оврага растет виноград. А под картошку засыпать овраг уже неразумно. В каждой местности есть свои способы борьбы с оврагами. Найти их — это уже задача будущего.

А ближайшая — составление карты оврагов СССР, первой карты такого рода. На ней будут отмечены районы, где овраги очень распространены, где они быстро растут и где их пока еще нет, но они могут появиться.

В. ДРУЯНОВ

Фото 1. ▲

Обед для кактусов

Питаются в течение всей жизни и растения и животные. Разница в том, что животные предпочитают себе на обед пищу повкуснее — они едят или других животных, или растения, то есть уже готовые органические вещества. Их остается лишь переварить в желудке. Поэтому животные являются, как говорят ученые, гетеротрофными организмами (питающимися другими организмами).

Труднее приходится зеленым растениям. Они не могут усваивать готовые органические вещества и должны сами готовить себе пищу в клетках тела. Растения — это настоящие спартанцы в отношении питания. В их меню входят блюда, которые не стало бы есть ни одно животное. Это минеральные соли, углекислый газ и вода. Из этих-то невкусных составных частей растения и готовят себе пищу, строят свое тело. Поэтому зеленые растения называются автотропными (самопитающимися организмами).

Различают минеральное и воздушное питание растений. Воздушное питание осуществляется в процессе фотосинтеза.

Минеральное питание растения получают из почвы в виде растворенных в воде солей.

Как и чем подкармливать кактусы?

Фото 2. ▶

Фото 3.

Кактусы подкармливают, только когда они уже растут. Ведь подкормка лишь усиливает рост и цветение. Начинают подкормки в середине мая, после апрельской пересадки, и продолжают до сентября. Удобрительные поливки делают 1—2 раза в месяц (в зависимости от скорости роста кактусов). Лучше поливать чаще, но слабым раствором. Нельзя поливать питательным раствором сухую землю: удобрение может обжечь сухие корешки.

Перед подкормкой землю в горшке надо слегка полить. Подкармливать лучше всего рано утром или под вечер, когда не очень жарко.

Готовые минеральные удобрения, которые продаются в цветочных магазинах для лиственных растений, нашим кактусам не совсем пригодны. В них содержится слишком много азота, а он в больших количествах кактусам вреден — они начинают «жиреть», давать очень много деток, становятся хрупкими, изнеженными и не зацветают.

Поэтому нам придется приготовить обед для кактусов самим. Вот самые простые рецепты удобрений для кактусов.

Суперфосфат простой — 3 грамма, калиевая селитра — 2 грамма, вода — 5 литров.

Фосфат калия двузамещенный — 2 грамма, калиевая селитра — 2 грамма, вода — 4 литра.

Суперфосфат простой — 2 грамма, фосфат калия однозамещенный — 1 грамм, калиевая селитра — 2 грамма, вода — 5 литров.

Лучше, если вы попросите приготовить раствор кого-нибудь из старших.

К готовому основному раствору хорошо добавить приправу — раствор солей микроэлементов. Для этого купите в магазине садового оборудования таблетки микроэлементов, растворите одну таблетку в 3 литрах воды и прилейте к основному раствору 2—3 столовых ложки этой приправы. Ну и уж, если хотите, чтобы все было по правилам, подкислите весь раствор несколькими каплями соляной кислоты, которую можно купить в аптеке.

Питательный раствор готов. Можно приступить к подкормке. Если все приготовленное удобрение вы сразу не использовали — не беда, его можно долго хранить в темном месте в закрытой посуде.

Если правильно подкармливали «зеленые ежики», то вскоре заметите, что ваши колючие любимцы стали расти хорошо и быстро, выглядят свежими и упитанными. Подкормка благоприятствует и цветению.

Интересно было бы поставить опыт по влиянию минерального удобрения на кактусы. Для этого надо взять два одинаковых по возрасту и состоянию растения, выращивать их рядом в совершенно одинаковых условиях, но одному регулярно давать подкормку, а другому только воду. Опыт этот надо проводить целое лето, и только осенью можно будет судить о результатах. Посмотрите, какой кактус лучше подрастет — опытный или контрольный.

Фото М. Мезенцева

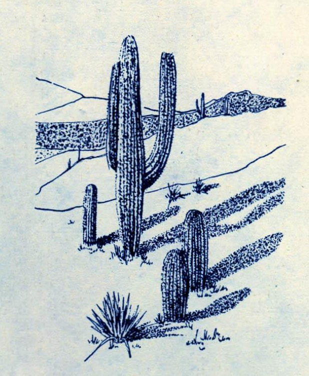
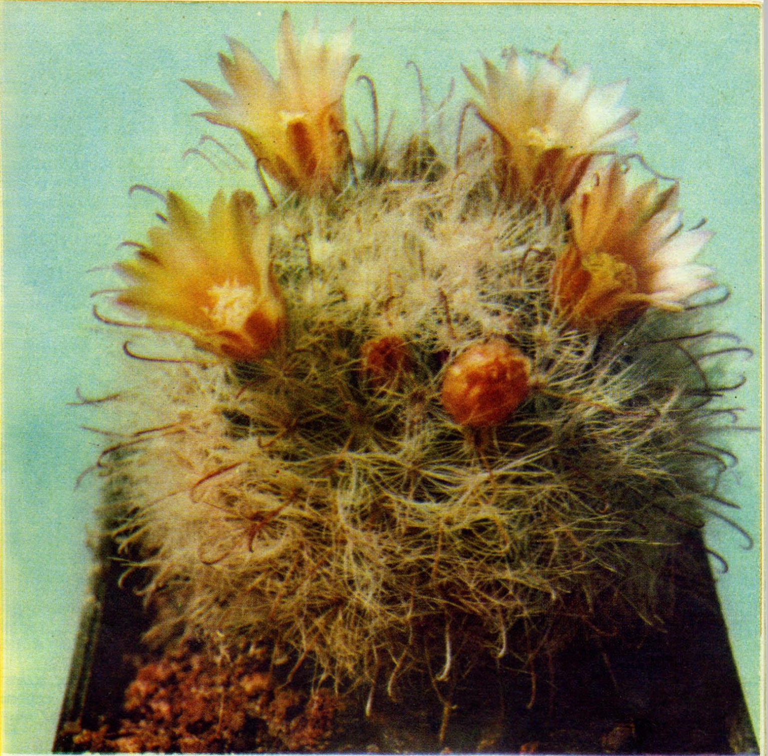

Фото 4.

◄ Фото 5. Фото 6. ▲

Болезни и вредители кактусов

Если за кактусами правильно ухаживают, содержат их в чистоте и в хороших условиях, то они всегда здоровы, у них свежий вид. Но случается, что кактус заболевает или на него нападают вредители. В таком случае ему надо как можно скорее оказать «медицинскую помощь», иначе растение погибнет.

Самый опасный враг кактусов — красный паутинный клещик. Он очень маленький. Разглядеть его можно только под лупой. Паутинный клещик высасывает сок из клеток растения и оставляет безобразные серовато-бурые пятна на теле кактуса. Под лупой можно рассмотреть и паутинку, в которую самки клещика откладыва-

ют яйца. Обычно клещик поселяется на верхушке кактуса, поражает молодую зелень и может погубить растение. Он легко переходит с одного растения на другое. Поэтому кактус, пораженный красным клещиком или любым другим вредителем, надо срочно изолировать.

Чтобы уничтожить красного клещика, необходимо сначала несколько раз обмыть кактус сильной струей воды, затем промыть его чесночным или табачным настоем, спиртом, а еще лучше специальными препаратами для уничтожения вредителей — тиофосом и эфирсульфонатом. Раствор из 10 капель концентрированного тиофоса и 3 граммов порошка эфирсульфоната на 1 литр воды является универсальным ядохимикатом против красного клещика и других вредителей. Но сами его не применяйте, обязательно попросите взрослых помочь вам. Препараты эти очень ядовиты.

Хорош также препарат «Цветофос», выпускаемый в Риге (в аэрозольной упаковке), он гораздо менее ядовит для человека и не имеет неприятного запаха.

Кактусы или опрыскивают ядовитым для клещика составом, или обмывают кисточкой. Такую обработку надо сделать 2—3 раза с недельным перерывом.

Нередко встречается на кактусах и щитовая тля, или щитовка. Названа она так потому, что насекомое прикрыто сверху, как броней, коричневым выпуклым щитком, который очень плотно прилегает к поверхности кактуса. Все щитки с пораженного кактуса надо осторожно соскоблить деревянной палочкой (стараясь не повредить сам кактус), обмыть его несколько раз спиртом или мыльным раствором, а потом водой. «Лечение» тоже надо повторить несколько раз через неделю, чтобы расправиться со всеми щитовками.

Довольно частым гостем на наших кактусах бывает мохнатая, или пуховая, тля. Это розовато-оранжевое мелкое насекомое оставляет в самых укромных местах на кактусе комочки белой «ваты». Это гнезда, где из яиц выводится потомство. Борьба с тлей проста: снимают пинцетом белую «вату» и обмывают эти места спиртом.

Очень опасный вредитель — корневая тля. Заметить ее можно только при пересадке растения. Пораженный кактус плохо растет, у него матовая зелень, а потом он загнивает. Если осмотреть корни такого кактуса, то на них часто можно обнаружить голубовато-белый шерстистый налет, в котором и прячутся тли. Корни такого растения нужно хорошенько промыть водой, очистив ком корней от земли, опудрить эфирсульфонатом и посадить в свежую землю.

За растением, находящимся «на лечении», нужен особенно тщательный уход и наблюдение. Поставить растение к здоровым можно только тогда, когда вы убедитесь, что все вредители уничтожены.

Самым распространенным заболеванием кактусов считается загнивание, которое вызывается особыми грибковыми микроорганизмами. Способствует загниванию излишняя поливка, механическое повреждение корней и стебля. Чаще всего загнивание начинается у основания кактуса — на корневой шейке. Кактус в этом месте становится водянистым, мягким, темнеет, часто падает и погибает. Чтобы спасти загнивший снизу кактус, надо срезать его верхушку ножом или бритвой до чистой поверхности среза (без следов гнили), подсушить ее и укоренить в песке.

Землю с загнившей нижней частью кактуса надо уничтожить, потому что это заболевание заразно!

Иногда, особенно зимой, встречается на кактусах так называемая сухая гниль. Это красноватые пятнышки, сначала отдельные, а потом сливающиеся вместе. Сухая гниль является бактериальным заболеванием. Пораженные места нужно осторожно выскоблить и потом продезинфицировать спиртом.

На старых кактусах в их нижней части можно видеть иногда серовато-коричневый налет — это омертвение, опробковение тканей растения.

Чаще всего это просто старческое явление. С такого кактуса можно срезать верхушку и укоренить ее.

Очень опасны для кактусов ожоги и обморожения.

Ожоги кактусы получают обычно весной. Отвыкшие за зиму от солнца растения, особенно молодые и нежные побеги, покрываются безобразными коричневато-бурыми пятнами. Пятна эти остаются на растении всю жизнь. Чтобы спасти кактус от ожогов, надо уберечь его весной от жгучих лучей солнца — притенять марлей или белой бумагой, постепенно приучая к солнцу.

Обморожения могут появиться на кактусах при очень холодной зимовке. Если кактус зимой совсем не поливать и содержать в абсолютно сухом помещении, то он может вынести температуру до —1 — —2° С. Но если такой заморозок случится после поливки, то растение становится как бы стеклянным — при постукивании оно звенит, как стекло, делается очень твердым и хрупким. Такой замерзший кактус нельзя трогать руками — это его погубит! Обмороженное растение надо поставить постепенно оттаивать в теплое, но не жаркое место.

Г. ВОЛЬСКИЙ

Фото 7.

Карликовые кактусы Ребуции — жители северных областей Аргентины. Известно около двадцати видов Ребуций. Они прекрасно цветут в комнатах на солнечных окнах. Особенно радуют они начинающих любителей: обычно это первые кактусы в коллекциях, которые дарят чудесные цветы. Ребуции цветут очень обильно. Часто зацветают двухлетние сеянцы, которые бывают размером не более двухкопеечной монеты. На фотографиях — два представителя этого рода: Ребуция грандифлора (крупноцветная) (фото 7) с красными цветами и Ребуция сенилис (старческая) (фото 3) с густыми белыми щетинками. Этот вид имеет десять разновидностей, которые отличаются окраской. Они бывают желтые, оранжевые, красные.

Айлостера Куппера из Боливии (фото 4) — родственник Ребуций. У нее оранжево-красные цветы до четырех сантиметров и зеленые плоды-ягоды.

Цветение аргентинских кактусов Пародий — настоящий праздник для кактусовода. На одном растении раскрывается сразу целый букет сверкающих шелковистых цветов — желтых или красных. На фотографии вы видите Пародию аурейспина (золотоколючковую) (фото 2). Этот род кактусов назван по фамилии французского ботаника Пароди.

Нарядный кактус, как бы надевший на себя к празднику венок из малиновых цветков, называется Хаматокактус сетиспинус (фото 1).

Мамиллярия эритросперма (красносемянная) (фото 5) цветет карминно-красными цветами, а семена у нее темно-красные, за что и получила она свое название.

Цветки Мамиллярии боказана (фото 6) чаще всего белого или желто-зеленоватого цвета.

Родина этих красивых Мамиллярий — Мексика.

ВОСПИТАЙ ДРУГА

Много забот и хлопот требует щенок на первом году жизни, пока растет, осваивается с привычками хозяина, и особенно в первые месяцы. Но сообразительность начинает пробуждаться в нем очень рано.

(Окончание. Начало см. в № 9)

И с каждой неделей, чуть ли не с каждым днем ты убеждаешься, что твои старания не пропадают даром, что в этом шустром проказнике, у которого подчас еще и уши-то не стоят как следует, и бегает он как-то боком, точно задние лапы хотят обогнать передние, есть что-то та-

кое, что заставляет тебя и твоих близких — мать, отца, бабушку, брата — все больше привязываться к нему.

Это «что-то» — необычайная восприимчивость щенка. Он с жадным любопытством ловит все, что происходит вокруг, старается понять каждое слово.

Формирование собаки в основном заканчивается к двум годам. Однако это не значит, что с обучением ее нужно медлить так долго. Первые условные рефлексы ты начинаешь прививать ей буквально с первого же часа, как она появилась в вашем доме. Вспомчим «Место, место!», приучение к режиму дня, порядку питания и выгуливания и т. п. С ростом и развитием животного этих рефлексов накапливается все больше и больше.

Регулярная дрессировка начинается месяцев с шести-восьми, но кое-чему твой четвероногий приготовишка может обучиться и до этого: например, садиться по команде, ложиться, вставать, приносить брошенный предмет («Апорт!»), подбегать к хозяину на подзыв «Ко мне!» и т. д.

Сразу же приучай щенка к запрещающей команде «Фу!» («Нельзя»). Эта команда отдается всегда строгим, а при непослушании даже угрожающим тоном и первое время сопровождается какой-либо неприятностью для него: легким шлепком, рывком поводка.

Вся дрессировка производится на лакомство, то есть за каждое исполнение собака получает кусочек мяса или чего другого вкусного (только помаленьку, чтоб не приелось, не потеряло цену). По мере того как щенок начнет послушно исполнять прием, лакомство дается не всякий раз, а через несколько повторений.

Бить нельзя ни в коем случае, плетка не нужна. Нельзя во время дрессировки наказывать собаку, раздражаться, кричать на нее. Надо сохранять выдержку, команды отдавать четким, звучным голосом, не отвлекаться посторонними разговорами. Побоями можно воспитывать только раба, а тебе ведь нужен друг, товарищ.

Собака дрессируется очень легко, если ты достаточно терпелив в обращении с нею. Строгость временами, конечно, нужна, но в меру. Ласка и настойчивость — вот твое оружие, с помощью которого ты добьешься всего, чего только пожелаешь.

Если твой пес служебной породы, вступи в члены клуба служебного собаководства. Там тебе помогут нужным советом, и вообще вся дрессировка и воспитание собаки значительно облегчаются. Ребят принимают в члены клуба начиная с 14 лет и старше.

Не бойся заниматься дрессировкой. Ничего особо сложного и непостижимого в ней нет, она доступна каждому.

В общий курс дрессировки входит: посадка (команда «Сидеть!»), укладка (команда «Лежать!») и стояние собаки («Стоять!»), хождение рядом с хозяином, на поводке и без поводка (команда «Рядом!»), подзыв («Ко мне!»), аппортировка — подноска брошенного предмета (команда «Апорт!»), прыжки через препятствие-барьер, преодоление лестницы и хождение по горизонтально лежащему бревну-буму (команда «Вперед!»), подача голоса, то есть искусственно вызываемый лай (команда «Голос!»). Есть также команды «Плыви», «Ползи». Смысл их ясен.

Когда ты отпускаешь собаку побегать свободно, говори ей: «Гуляй!» Это очень приятная, я бы даже сказал, радостная команда для собаки. Беря у нее что-либо из пасти, приказывай: «Дай!» Ходит всегда собака слева от хозяина, не натягивая поводка и не отставая. Плохо, когда ее приходится тащить, как на аркане, или она тащит хозяина. При поощрении повторяешь, одновременно поглаживая животное: «Хорошо, хорошо...»

Помимо звуковых команд, команд-слов, существуют команды-жесты, отдаваемые молча, беззвучно. Обычно к ним приучают по мере усвоения животным приемов.

Терпение и настойчивость

Мы коротенько рассказали здесь про обычную дрессировку, которая необходима в повседневном быту. Ее обязана пройти каждая собака. Но если ты хочешь, чтобы твой питомец научился чему-либо более сложному, что именно и позволит назвать его служебным животным, то нужна специальная дрессировка.

Разумеется, многие слыхали, что существуют собаки-ищейки, отыскивающие преступника по следам, собаки-санитары, собаки — поводыри слепых, почтальоны или связисты, разведчики. Одни из древнейших и наиболее распространенных служб собаки — караульная, ездовая, пастушья.

В домашних условиях пройти с собакой специальный курс трудно, а подчас даже просто невозможно. Для подготовки ищеек, например, существуют особые школы-питомники розыскных собак и их проводников. Поэтому здесь уместно напомнить, насколько важно, чтобы ты поддерживал постоянную связь с клубом. Там тебе помогут обучить твоего пса по любой специальности, какую ты изберешь для него.

Не забудь, что это зависит еще и от породы. Скажем, добермана не запряжешь в сани — на снегу, в стужу он скоро замерзнет, у него шкура тонкая. Универсальной является восточноевропейская овчарка: она пригодна для всех служб.

Дрессировка по специальному курсу потребует от тебя более глубоких знаний и большей затраты времени, не говоря о терпении и настойчивости. Но именно специальный курс и делает собаку общественно полезным животным. Такую собаку можно послать на границу, и она будет помогать там пограничникам защищать рубежи Родины от диверсантов, нарушителей. Она станет охранять склады, магазины, промышленные предприятия, и уж не беспокойся — такой сторож не проспит!

Служебная собака не должна бояться выстрелов. Приучение к этому делается постепенно, а то можно испугать собаку, и она навсегда останется боязливой. Она не должна брать пищу из чужих рук и подбирать ее с земли. Она хорошо плавает, отлично бегает и прыгает, смела, недоверчива к посторонним.

Все это достигается дрессировкой и последующей тренировкой.

А посмотри, как держится правильно воспитанная собака! Она зря не залает, не набросится без разбору.

Поверь, что во всех неприятностях, которые иногда постигают владельцев животных, виновата обычно не собака, а человек, и в первую очередь ее хозяин, заранее не обучивший ее, не принявший мер, чтобы ничего этого не произошло.

Кто виноват, если на улице разразился скандал из-за твоей собаки — она напугала кого-то? Ты. Всегда ты, даже если первым замахнулся на собаку прохожий. Ты должен был предупредить это.

Поведение хорошей собаки должно вызывать у окружающих восхищение, а не испуг и раздражение. В толпе она должна быть спокойна и миролюбива; ночью, в безлюдном месте держаться настороже, никого не подпускать к хозяину.

Дрессировка обязательна для каждой собаки служебной породы. Ежегодно клубы, равно как и охотничьи общества, устраивают выставки и испытания, соревнования собак, на которых выявляются лучшие животные. Лучших собак и их владельцев награждают медалями, жетонами и ценными призами; хозяевам, кроме того, вручают дипломы. Без дрессировки твой пес не получит приза на выставке, как бы он ни был хорош по внешнему виду (экстерьеру), — таков закон. И вообще, недрессированная собака — неполноценное животное. И если ты вовремя не займешься воспитанием своего четвероногого, потом сам будешь жалеть об этом. Станешь раскаиваться, да поздно!

Дал слово — держи!

Возвращаемся к началу нашего разговора. Прежде чем взять щенка, ты должен твердо сказать себе раз и навсегда: «Я буду воспитывать его». И уж тогда держи свое слово! Тебе придется заниматься с собакой самому, а не надеяться на других, не навешивать эту нагрузку на шею взрослым. Поэтому, прежде чем обзавестись собакой, взвесь все, подумай.

А то бывает и так: нет щенка — просит, клянчит у матери, дает всякие клятвенные заверения, что будет заботиться о щенке. А купили — позабавился и забросил. Так не годится. Раз обещал сам — значит и сам занимайся животным.

Пес должен стать как бы естественным придатком к вашему быту. Нужно помочь маме или старшей сестре выбить ковер во дворе — кликни твоего Джекки: он будет вертеться около вас — и вам веселее, и ему разрядка. Наносить дрова в печь — пожалуйста, он даже сможет подсобить: притащит в зубах несколько поленьев.

А что касается развлечений, так это такой компаньон, с которым ты не заскучаешь. Собака любит сопровождать хозяина. Как говорится, хлебом не корми. Только позови — побежит, забыв про все на свете. Особенно хороши дальние походы в лес, в горы или на луга с небольшими перелесками, на простор, летом на велосипеде, зимой на лыжах; только не заставляй собаку очень долго бежать за тобой по пыльной дороге.

Не нужно опасаться морозов: собаки обмораживаются крайне редко. Зато приученный переносить холод пес будет по-настоящему вынослив и здоров.

Длительные тренировки, спортивная закалка укрепляют организм. Они полезны и тебе и животному. Собака вырастет более жизнеспособной, сильной.

Б. РЯБИНИН

К П

Рис. В. Карабута

Будьте всегда здоровы, Почемучки! Да, да, это я, Айболит. О, я так торопился, что опередил самого Мюнхгаузена. Не буду терять драгоценного времени и начну свой рассказ. Как всегда, я принимал больных зверей. Прописав зайчонку касторку и строго наказав впредь не грызть грязную морковку, я пригласил следующего пациента. И тут над моей головой стала жужжать бабушка-пчела, та самая, которая Мухе-Цокотухе меду принесла. «Ж-ж-ж». Я не вытерпел: «Почему вы так грозно жужжите, объясните, чего вы хотите?» — «Уж-жасно, уж-жж-жасно... Тысячи лет только мы, пчелы, приносим мед... Но старый скорпион сказал, что мы напрасно гордимся — человек сам варит мед. Уж-жасно...» Я ничем не мог успокоить пчелу и заторопился сюда, к вам, Почемучки.

— Ха-ха-ха, доктор! Кажется, и вам необходима скорая помощь. И вы ее получите. Старая пчела, очевидно, имела в виду. тошаб.

— Как? Как вы сказали, уважаемый Мюнхгаузен?

— О, вы сейчас услышите рассказ О. Р. Курбанова.

Тошаб — арбузный мед

С древних времен на Востоке каких только не готовят сладостей из бахчевых растений. Тошаб варят из арбузного сока. Сочная, сладкая мякоть арбуза спрятана в толстую кожуру, она-то и позволяет некоторое время хранить арбуз. А выдержанный, он становится еще сочней и слаще. Тогда кожуру срезают, семена вынимают, а из мякоти выжимают арбузный сок. Сок фильтруют. Из хорошо отфильтрованного сока получается прозрачный вкусный мед.

Сок готов — можно его варить. Его нагревают; он постепенно густеет, цвет сока становится коричневым. И вот уже в котлах тягучий арбузный мед — тошаб. Он хранится долго, года два.

В Туркмении варят мед из арбузов, которые выращивают для семян. Семена выбирают — из мякоти варят мед.

Из осеннего урожая арбузов тоже выгодно готовить тошаб. Осенью, когда все машины заняты — нужно вовремя убрать хлопок, — на бахчи выезжают консервные передвижные установки и тут же, в поле, варят мед.

И полезными арбузами можно питаться круглый год.

— День добрый, ребятушки! Вот и мой черед пришел к вам пожаловать да свое слово молвить.

— Василиса Премудрая!

— Я самая. И цветик-семицветик со мной. Лепесток оборву цвета желтого да прошу меня выслушать. Ко всем девицам-мастерицам моя просьба. Ну-ка, кто сумеет приготовить для нашей скатерти-самобранки из овощей-ягод угощенье невиданное, никому не знакомое? А с этим прощайте.

— Куда же вы? Исчезла...

— Не удивляйтесь, Айболит. Она же волшебница. Не отвлекайтесь. Заседание Клуба продолжается.

— Да, да. И я хотел сообщить еще один интересный факт. Представляете, птица-удод... Впрочем, об этом расскажет сам очевидец С. Д. Кустанович.

Удод-солист

Это было в степях Калмыкии. Мы увязали вещи для переезда на новое место и ожидали возвращения полуторки, которая ушла за питьевой водой.

Раннее утро в начале мая. Довольно прохладно. Я взобрался на высокий стог сена у пустой кошары — дощатого сарая для овец — и, пригревшись на солнышке, задремал. Меня разбудил удод, который устроился на коньке крыши кошары и принялся презабавно кричать свое «ду-ду», то раскрывая веером, то снова складывая свой нарядный хохолок. Так ведет себя самец, призывая самку, когда найдет подходящее место для гнезда.

«Сколько раз подряд он сможет прокричать свое «ду-ду»?» — подумал я. Считал, считал, да и бросил: терпенье лопнуло. Счет дошел до пятисот, а удоду хоть бы что, кричит себе и кричит. Да еще с какой силой! Крик его слышен километра за три, а то и побольше. Ну и горло! А ведь вся птичка-то с гулькин нос. Оперный солист, да и только!

А вот самец кукушки свое «ку-ку» редко когда повторяет больше 20—30 раз. Обычно же гораздо меньше. Не верите — посчитайте сами. Потому-то и не загадывайте на кукушке, сколько лет вам осталось жить. Прогадаете. Удод для этого лучше подойдет.

Только не спутайте удода с особым видом кукушки — глухой кукушкой. Самец ее тоже кричит «ду-ду», но как-то глухо, словно из бочки. Птица эта таежная, любит темные хвойные леса и обычна в Сибири и на Дальнем Востоке. Под Москвой ее можно встретить, если очень повезет.

— Похоже, доктор Айболит, у вас сегодня неприемный день и ваши пациенты в лесах и на болотах страдают без лекаря.

— Понимаю, что вы хотите сказать, уважаемый Мюнхгаузен, и все же не откажу себе в удовольствии и сообщу милым Почемучкам кое-что любопытное. Конечно, помня непременное правило Клуба — любое предположение требует научного обоснования, я предлагаю вам прочитать следующее сообщение Грахама С. Саймана.

Игра или охота?

Уже четыре недели мы поднимались по утрам чуть свет и занимали места в «лендровере». Наша маленькая экспедиция изучала жизнь бабуинов в заповеднике Крюгер. Как только стая обезьян отправлялась в путь, шофер включал мотор, а мы старались не пропустить что-нибудь интересное. Когда животные отдыхали, мы укрывались в тени и продолжали наблюдать за ними.

Так было и на этот раз. Обезьяны набрели на россыпи опавших плодов марулы, внешне похожих на наши сливы. Не теряя времени, они принялись собирать их, шаря лапами в порыжевшей от горячего солнца траве, и старательно набивали плодами свои защечные мешки.

Вдруг между деревьями что-то мелькнуло. Через минуту на поляну один за другим выбежали три шакала. Словно старые знакомые бабуинов, они уверенно протрусили в самую середину стаи. Мне показалось, что обезьяны не обратили на пришельцев никакого внимания. А те суетились, перебегая от одной обезьяны к другой. Хвосты их мотались во все стороны, острые уши торчали. Иногда, впрочем, то один, то другой бабуин направлялся к шакалам, но, не дойдя полметра, как бы раздумав, останавливался и снова принимался за поиски марулы.

Все это было удивительно. Но когда один из шакалов как-то по-кошачьи начал подкрадываться к детенышам бабуинов, мы не на шутку встревожились. Распластавшись по земле, дергая ушами и волоча хвост, хищник вплотную приблизился к малышам. Два бабуинчика отбежали на несколько шагов, другие попятились. Перебегая от дерева к дереву, шакалы продолжали свою странную игру. Иногда они подкрадывались и к взрослым животным. Оказавшись около бабуина, шакал припадал на передние лапы и, высоко подняв заднюю часть тела, размахивал хвостом, как бы приглашая обезьяну подраться.

И надо сказать, молодые бабуины иногда огрызались на шакалов. Взрослые обезьяны сохраняли спокойствие. Только старая самка отогнала слишком назойливого шакала, сердито хлопнув лапой по земле, да еще одна шлепнула пробегавшего мимо хищника лапой по спине. Когда же шакал посмел помешать старому самцу, который усердно помогал самке собирать плоды, рассерженный бабуин глухо зарычал и погнался за нахалом. Впрочем, как только самец остановился, шакал как ни в чем не бывало начал подкрадываться к другим обезьянам.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы поблизости не пробежала чернопятая антилопа. Увидев ее, шакалы оставили бабуинов и умчались за ней.

Считается, что шакал охотится на бабуинов. Так что это такое было — игра или нападение? И вот еще интересно: место, на котором мы сделали свое любопытное наблюдение, называется в переводе с туземного языка «поляна шакала — брата бабуина».

— Что птица, что зверь, однако, человеку загадок много ставит. Разгадаешь — птице, зверю помочь сможешь.

— О, вы такой редкий гость нашего Клуба.

— Что в гости ходить, однако? Много будешь смотреть, слушать — много узнаешь.

— Вы абсолютно правы, Дерсу. Даже я, видавший самые невероятные истории, не перестаю удивляться. И все-таки задержитесь на минуту, и вы услышите несколько коротких, но весьма любопытных историй.

Древний хищник

Польские ученые обнаружили в пустыне Гоби скелет гигантского ящера. Доисторический ящер из семейства динозавров относится к самым крупным и опаснейшим хищникам древности. Четырнадцатиметровая рептилия передвигалась на сильных задних лапах. Голова с почти метровыми челюстями, снабженными штыковидными зубами, возвышалась над землей на шесть метров. Передние лапы ящера были настолько малы, что ими нельзя было достать до пасти.

Гуси на колокольне

Сероголовые пеганки в Южной Африке, которые гнездятся обычно в норах, выбрали для гнезда на этот раз необычное место — колокольню собора святого Георга (приблизительно на высоте 35 метров). Известно, что птенцы, едва вылупившись из яйца, покидают гнездо вместе с родителями. Жители Грэхэмстауна ломали голову над тем, как спустятся желторотые с такой высоты. Но семь птенцов незамедлительно спрыгнули с колокольни и остались целыми и невредимыми.

Грибы круглый год

Грибная охота в Крыму не прекращается круглый год. Представляете: зимой, прихватив лукошко, вы отправляетесь... по грибы. Хороши холодостойкие маслята и рыжики!

— Клянусь аллахом, Ибн-Мюнхгаузен, похоже, ты перезабыл свои старые истории, которые приводили в восхищение мудрейших из мудрецов.

— О любезнейший Хоттабыч, мне не стоит ни малейшего труда убедить вас в обратном. Именно сегодня я хотел кое-что рассказать, но прежде послушайте интересные рассказы.

Дыбка

Считается, что самые необычные насекомые водятся лишь в экзотических местах мира: Африке, Южной Америке. Однако и у нас встречаются животные, ни в чем не уступающие тропическим диковинкам. Одно из них — дыбка, насекомое, живущее в Средней Европе и на Кавказе.

Обычный цвет дыбки зеленый, но иногда по бокам видны розовые и белые пестринки. У дыбки три пары ножек. Задние слишком тонки, чтобы она могла прыгать на манер кузнечика или саранчи. Добычу дыбка удерживает другими

Знаете ли вы, что произошло с этим деревом и как оно было изуродовано? Может быть, какой-то сказочный гигант сорвал с его ствола полосу коры от корней до самой вершины?

Нет! Просто эта страшная рана на стволе — результат чудовищной силы молнии, ударившей в дерево.

четырьмя ножками, на которых есть шипы.

Интересное насекомое дыбка. Походка ее чем-то напоминает походку хамелеона. Выбросив переднюю ножку, оставаясь на одном месте, она раскачивается до тех пор, пока ножка не зацепится за какую-либо травинку. Это делает поступь дыбки медлительной, величественной и даже забавной, как у робота. Однако, если нужно, дыбка может и прыгнуть сантиметров на двадцать.

В сентябре насекомое откладывает в землю около двадцати яичек коричневого цвета длиной до десяти миллиметров. После этого дыбка погибает.

Любимое лакомство дыбки — саранча. Затаившись в траве, где она почти невидима, дыбка медленно подкрадывается к своей добыче, прыгает и сжимает насекомое передними конечностями.

Однажды дыбка напала на ящерицу. Молодая ящерица была длиной двадцать сантиметров, и тем не менее, не колеблясь, дыбка бросилась на нее и одним щелчком своих мощных челюстей откусила ей голову. За час она проглотила ящерицу, а ведь та весила намного больше насекомого. Однако чаще дыбка сама становится жертвой крупных ящериц.

А. МАЛАШЕНКО

Игра

Хариус — рыба очень осторожная, увидит на воде тень или хруст сучка услышит — и как его не было; в глубину уйдет, а то под нависший берег спрячется. Поэтому идти по берегу таежной речки приходилось очень тихо. Вытащишь в омуте одну-две рыбины на удочку и дальше крадешься.

Подходя к очередному омуту, я услышал шумные всплески и стал по-пластунски подползать к прибрежным кустам. Взглянув на противоположный высокий берег, я заметил забавную картину: с глинистой крутизны в воду была проложена скользкая мокрая дорожка, по которой, соблюдая очередь, скатывались в воду выдры. Вот выдра забралась на горку, вытянула голову, поджала передние лапы под себя и понеслась вниз прямо в воду. За ней другая, а третья из воды вылезает и на горку спешит, чтобы очередь не пропустить.

П. МОЧАЛОВ

— Друзья мои, я не скажу ни слова, прежде чем вы не узнаете об одном фантастическом проекте.

Если айсберг поплывет в Австралию

На огромных пространствах Австралии нет одного — воды. Пустынны засушливые земли. Если удалось бы оросить эти земли, они давали бы по двари урожая в год. Мало того, на поливных лугах паслись бы огромные отары знаменитых австралийских овец.

Как же оросить эти земли? А что, если... Если «перекачать» глыбы антарктического льда в Австралию?

Такой оригинальный проект использования льдов Антарктиды предложил английский ученый А. П. Педрик. По мысли ученого, глыбы льда можно «перевезти» из Антарктиды в Австралию по трубопроводу, проложенному на глубине сорока пяти метров под поверхностью Индийского океана. На такой глубине трубопровод не станет препятствием для судоходства. Диаметр труб ученый предлагает не менее трех метров. А сам трубопровод может состоять из одной, двух, трех ниток, соединенных в пучок. Длина трубопровода — 4500 километров.

А как же глыбы льда поплывут по такому «льдопроводу»? Ученый предлагает проталкивать лед по трубам с помощью сжатого воздуха. По одной нитке за год можно будет перевезти в Австралию столько воды, что ее хватит для орошения 400 тысяч гектаров земли.

Хотя этот проект выглядит фантастическим, он получил одобрение многих специалистов. Считают, что имеются реальные возможности для его выполнения. Экономический эффект его огромен.

— Не правда ли, необыкновенно смелый проект-фантазия? И мне хотелось бы предложить всем, кто любит спорить, мечтать, фантазировать, присылать в Клуб Почемучек свои самые невероятно фантастические проекты. Мечтать и фантазировать о море, горах, лесах. И конечно, о космосе!

— А теперь позвольте и мне вспомнить одну историю, некогда случившуюся со мной. Уже смеркалось, когда я, крайне усталый, едва держась в седле, возвращался домой. Лошадь моя то и дело спотыкалась, засыпая и просыпаясь на ходу. Вдруг она вздрогнула и взвилась на дыбы. Я спрыгнул на землю. О ужас! Гремучая змея! Без промедления я выхватил шпагу и... опустил ее. Покончить со змеей было бы для меня делом одной секунды, но я человек храбрый и сделал вид, что совсем не боюсь ее. Кое-как успокоив коня, я тронулся в путь. А змея? Трусливо поползла в сторону.

Новички нашего Клуба скептически улыбаются, подвергая сомнению все, что исходит от беспокойного болтуна Мюнхгаузена. Я не обижаюсь. Напротив, я предвидел это и поэтому предлагаю вашему вниманию рассказ Николая Александровича Сатарова.

Загадки гремучей змеи

Гремучая змея... Ее считают мудрой и лукавой, живучей и ядовитой, быстрой как молния. Бытует поверье, будто человек может увидеть гремучую змею только раз, так как она сразу же бросится на него и умертвит.

Как часто мы судим о животных по рассказам и легендам, порой приукрашенным и полным вымысла!

Совсем неверно, будто змея эта — опасное и лукавое чудовище, ненавидящее род человеческий. Напротив, гремучая змея очень пуглива. И совсем она не так хитра и коварна.

Яд гремучей змеи парализует и убивает жертву, чаще всего мелких млекопитающих. При встрече с человеком змеи никогда не нападают первыми. Прежде всего у них появляется желание замереть, сделаться незаметнее, а когда опасность пройдет, отползти на более безопасное место. Но если змею преследуют, она начинает извиваться, шипеть и может укусить.

Неверно и то, что она обладает быстротой молнии. Скорость ее движений при броске не превышает скорости человеческого кулака при ударе. Не так уж эта змея и живуча: температура в 45 градусов тепла может оказаться для нее гибельной. И хотя укус гремучей змеи опасен, особенно для детей, он не обязательно смертелен.

Многие считают, что раненая гремучая змея, чувствуя гибель, кончает жизнь самоубийством, впуская себе свой яд. Верно, находясь в опасности, змея впадает в бешенство и начинает подпрыгивать и хватать зубами все, что находится вокруг нее, и даже свое тело. Однако собственный яд для змеи не опасен.

Пойманная гремучая змея объявляет голодовку и может не принимать пищу по два года. На свободе же она глотает пищу раз в неделю или в десять дней, съедая сразу немного меньше половины веса своего тела.

Считалось, что гремучая змея не пьет воду. Это не так, хотя чаще всего ей достаточно той жидкости, какую она получает, съедая добычу.

Видов гремучих змей много. Но только змеи одного вида весят около десяти килограммов и имеют длину до двух с половиной метров. Обычно же длина этих змей от шестидесяти до восьмидесяти сантиметров.

Гремучие змеи хорошо видят только вблизи. Охотятся они обычно ночью и добычу ловят из засады. Слух у них плохой, но змеи очень чувствительны к колебаниям почвы, воздуха и к теплу.

Небольшие ноздри змеи отлично воспринимают запахи. Причем змея может улавливать их и языком, который покрыт специальными чувствительными клетками. Находящиеся у змеи на хвосте погремушки служат всего лишь для отпугивания крупных животных.

Враги гремучих змей — другие змеи, птицы, звери и даже рыбы. Один калифорнийский рыбак поймал форель, в желудке которой была гремучая змея длиной в шестьдесят сантиметров.

— На этом заседание Клуба Почемучек заканчиваем. До следующей встречи, друзья мои!

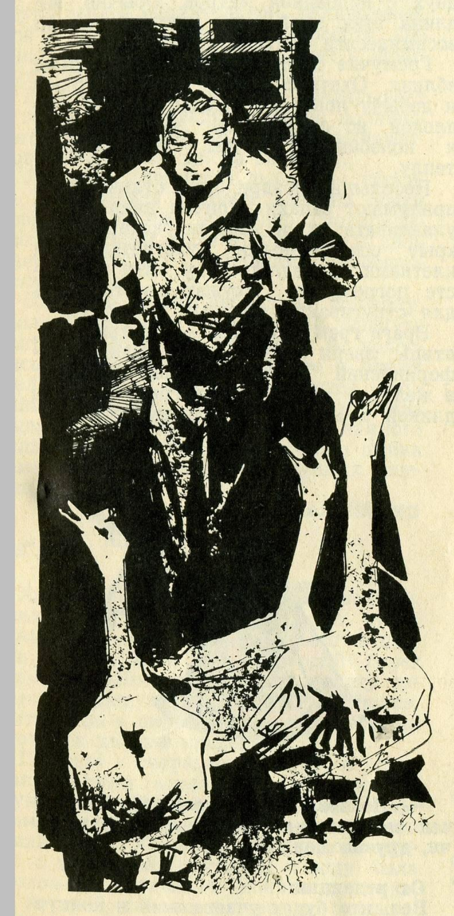
От редакции:

Все, кто будет участвовать в конкурсе «Скатерть-самобранка», присылайте рецепты только редких, оригинальных блюд из овощей и фруктов.

Участники конкурса «Фантазеры» присылают фантастические проекты, рисунки. Уговор такой: каждый фантазер доказывает научную возможность реализации своего проекта.

О сроках конкурсов и наградах победителей жюри объявит особо. На конверте ставьте пометки: «Скатерть-самобранка», «Фантазеры».

ГУСИ-ВЕСТНИКИ

Один художник рассказывал:

— Прошлой осенью гостил я у знакомого лесника Тихона. Двор его стоял в лесу на берегу озера, в котором с утра до вечера плескались домашние гуси. На ночь хозяин загонял их в сарай, на чердаке которого я в сене спал.

Как-то, находившись по лесу с мольбертом, я забрался поздним вечером на сеновал и сразу же уснул. Но не проспал я, кажется, и трех часов, как вдруг пробудился от странных звуков. Они неслись из сарая и были до того печальные и грустные, что мне стало не по себе. Я резко вскочил с постели, сильно зашуршав сеном. Прислушался. Звуки пропали.

«Почудилось, что ли?» — подумал я и хотел опять улечься, как вдруг снова услыхал те же самые звуки, тревожные и тоскливые. Казалось, в сарае находился кто-то очень больной и звал на помощь.

Я осторожно отыскал в темноте лестницу, ведущую внутрь сарая, и стал по ней тихонечко спускаться. Звуки продолжались. Но вот под моей ногой тихо скрипнула ступенька, и звуки вмиг оборвались.

Став на пол, я зажег спичку и осветил сарай. Свет вырвал из темноты белые фигуры гусей. Птицы не спали. Вытянув кверху шеи и задрав головы, они сгрудились в углу и к чему-то тревожно прислушивались. На меня они не обращали никакого внимания. Вероятно, что-то более важное беспокоило их в эту минуту. В том, что странные звуки принадлежали им, я не сомневался, потому что в сарае, кроме гусей, никого не было. Но что заставило их так кричать, а вернее — плакать? Или, может быть, не что, а кто? Я осмотрел все углы и щели в сарае, но никого не обнаружил. В сарай не могла попасть даже мышь. Может быть, к сараю подходила лиса, этот извечный враг гусей? Тоже не совсем правдоподобно: осенью, когда в тайге полно разного зверья, лиса к человеческому жилью вряд ли пойдет...

Утром я подробно рассказал о ночном происшествии Тихону. Тот многозначительно прищурился:

— Та-ак, плачут, говоришь. И тоскливо плачут... Ясно. Начинается.

— Что начинается? — не понял я.

Он пристально посмотрел на меня.

— Э-э, брат, да ты и впрямь, однако, ничего не понимаешь. Тогда вот что. Не поспи-ка ты сегодня ночку и все поймешь. Только слушай лучше!

Он хитровато улыбнулся и больше не добавил ни слова.

С большим нетерпением дождался я начала следующей ночи. Наскоро поужинав, влез на сеновал, улегся под тулуп и стал ждать разгадки ночной тайны, прислушиваясь ко всем звукам, доносящимся снаружи.

На воле шла обычная ночная жизнь. Вот на озере плеснула крупная рыба, где-то далеко-далеко на болоте захохотал филин. С кедра, выбив замысловатую дробь по сучьям, упала шишка. Потом все разом смолкло.

Чтобы не заснуть, я принялся сквозь щель в крыше глядеть на звезды. Глядел долго — до тех пор, пока из-за горизонта не показалось созвездие Южной Рыбы. По нему я определил, что уже поздно: Южная Рыба появляется на небе в четвертом часу. «Пожалуй, ничего мне сегодня не дождаться», — подумал я и стал не спеша укладываться спать.

И тут вдруг до моего слуха донеслись с неба крики диких перелетных гусей. И тотчас в сарае послышался сперва шум, а потом раздались вчерашние, до жути тоскливые звуки.

Я поспешно, но бесшумно спустился в сарай и включил карманный фонарик.

Гуси, перестав кричать, сгрудились, как и в прошлую ночь, в углу, смотрели в потолок и тревожно к чему-то прислушивались. Я понял: они ловят крики своих сородичей.

— Ну что, догадался? — неожиданно появился в сарае Тихон с ружьем и котомкой за плечами.

— Вроде бы, — ответил я. — Слышат диких гусей и беспокоятся, только почему?

— Чудак человек, — засмеялся Тихон. — Ведь домашние гуси когда-то тоже в небе летали.

— Странно. А почему же в деревнях гуси не плачут? Ведь дикие гуси и над деревнями пролетают.

— Оно так. Только мои-то гуси особые — здесь родились и выросли. По весне на озере с дикими встречаются, дружат с ними. Ну, те и научили их тоске по небу, по воле. Как наступает перелет — плачут. Только я в их плаче другое слышу: «Лесник, будь начеку, береги наших братьев: охота начинается!»

Тихон помолчал, потом засуетился:

— Ну, я на озеро побегу, браконьеров выслеживать. Спасибо вам, гуси-вестники! — крикнул он птицам, вышел из сарая и скрылся в предрассветной мгле.

ПАМЯТЬ

Это случилось в одной московской киноэкспедиции. Съемочная группа стояла в рыбацком поселке на берегу Черного моря. Днем москвичи снимали фильм, а по вечерам собирались у костра и до поздней ночи слушали рассказы рыбаков.

Капитан артельской фелюги дядя Митя, пожилой, грубоватый моряк, имел привычку приходить к костру в окружении целой своры собак, которых очень любил. Собаки отвечали ему тем же и бегали за ним по пятам, за что рыбаки прозвали капитана «собачьим пастухом». Капитан не обижался на рыбаков. Наоборот, он, казалось, гордился таким прозвищем.

Однажды, сидя у костра в окружении своих питомцев, дядя Митя говорил рыбакам:

— Я за что их люблю? За память! Сделай собаке добро — век не забудет.

Он почесывал то одной, то другой собаке за ушами и каждой из них давал характеристику:

— Это Пиндос, хлебом его не корми — дай воробьев погонять. А это Мирка, смирная и ласковая, будто кошечка. Ну, а Идол... он и есть идол. Часами может на одном месте сидеть и, хоть гром греми, не шевельнется!..

Охарактеризовав всех своих любимцев, дядя Митя перешел к последнему — огромному ньюфаундленду по кличке Моряк.

— А это мой лучший друг. Да! Попробуйте только тронуть меня — вмиг разорвет. Ну, кто смел?

Нашелся смельчак — тронул дядю Митю рукой, делая вид, что хочет его ударить, но тотчас испуганно съежился, заметив угрожающий огонек в глазах Моряка.

— То-то! — торжественно произнес капитан. — Это еще я ему «фас!» не скомандовал, а то бы... За меня он в огонь и в воду!

— И где вы их понабрали таких? — не переставала весь вечер удивляться одна костюмерша.

— Где, где... Да кого где. Одну хозяин выгнал, другую пляжник забыл... А вон Моряка, того я на берегу моря подобрал. Совсем еще кутенок был. А случилось это лет восемь назад...

Среди слушателей дяди Мити находился один известный киноактер. Он только что прибыл из Москвы и молча сидел у костра, читая сценарий. Последние слова дяди Мити заставили его оторваться от сценария и пристально поглядеть сперва на ньюфаундленда, а затем на его хозяина, который продолжал рассказывать:

— Иду как-то раненько утром по берегу. Вокруг ни души, только далеко в море лодка виднеется: рыбачит кто-то. Смотрю: на высоком камне щенок сидит и здоровенный кусок колбасы ест. Сам весь мокрый, а вокруг ни одной капли воды. Видать, кто-то его выкупал, что ли, да и посадил на этот камень, а сам ушел. Уж я кричал, звал хозяина — никакого ответа. Ну, тогда и взял этого кутенка домой.

Никто не видел, как во время рассказа молчаливый киноактер отложил в сторону сценарий, поднялся и вплотную подошел к дяде Мите.

— Держу пари, что меня ваш Моряк не тронет, — вдруг заявил он рассказчику.

— Да? — насмешливо спросил дядя Митя. — А ну-ка попробуй!

Никто не заметил в ту минуту, что происходило с Моряком. Пес, как только заговорил актер, навострил уши и медленно-медленно пошел к незнакомцу, потягивая носом.

Актер схватил за грудь дядю Митю и стал его трясти. Пес остановился, но не бросился на актера: его что-то явно сдерживало.

— Ну чего тянешь? Фас! — строго крикнул ему хозяин. — Фас, говорю!

Еще одна секунда, и Моряк бы, возможно, прыгнул на актера, не заговори тот вдруг ласковым голосом:

— Кутенька, ты что? Кутя!..

Услыхав эти слова, пес неожиданно обмяк, осел, глупо улыбнулся, потом лег на землю и вдруг, виляя хвостом и виновато скуля, пополз к актеру.

— Ай-яй-яй, Кутенька, стыдно...

Пес вдруг вскочил на задние лапы и принялся прыгать на актера, стараясь лизнуть его в лицо. Дядя Митя вытаращил глаза. Актер схватил его собаку в объятья и повалился с ней на песок.

Дядя Митя продолжал стоять, не понимая, что произошло. Тогда актер хлопнул его по плечу:

— Вы правильно сказали, что у собак хорошая память. Ведь я когда-то спас вашему Моряку жизнь. Разве после этого он может меня забыть? Было это восемь лет назад. Я отдыхал в вашем поселке и каждое утро плавал на рыбалку. Однажды, смотрю, барахтается маленький, беспомощный щенок. «Кутенька! — подплываю к нему. — Не бойся меня, сейчас я тебя вытащу».

Ну и спас. Потом к берегу подплыл, посадил на камень, колбасы ему оставил, а сам опять в море. Это вы мою тогда лодку видели. Вот так. А все остальное вам известно лучше, чем мне.

И. ПОНОМАРЕВ

СТОРОЖОК

К зимовью, затерянному в таежных дебрях на реке Шегарке, я добрался в полдень. День был по-летнему тихим, теплым, но в тайге уже полновластно хозяйничала осень. То густо-фиолетовыми, то нежно-алыми красками пламенела прибрежная черемуха. Неугасимо полыхали желто-оранжевым огнем рябины, и всюду, куда ни глянь, жарко золотились пышные косы берез.

Я знал, что в здешнем зимовье неотлучно проживает страстный охотник и рыболов Антон Егорович Шеломин. В этот час хозяина в доме не оказалось. «Скорее всего на реке рыбачит», — подумал я, устало присаживаясь на обрубок бревна возле избушки. Снял с плеч рюкзак. Расстегнул воротник рубашки. И не успел окинуть взором хозяйство, как передо мной будто из-под земли появляется буровато-рыжий зверек ростом с обыкновенного хорька. Сел столбиком и, уставившись на меня бусинками своих черных выпуклых глаз, настороженно замер. Ушки у него широкие, полукруглые. Губы с подбородком белые, как бы сметаной вымазаны, а на острую мордочку между носом и глазами словно темная маска надета.

«Так это же колонок, — догадался я, — скрытный лесной хищник. Гроза мышей, водяных крыс, мелких пичуг и белок. Но почему же он среди бела дня около людского жилья?»

Прошло не меньше часа. Колонок то исчезал куда-то ненадолго, то нежданно-негаданно вдруг опять замирал передо мной. Но вот на плесе показалась лодка. Потом зазвенела цепь, стукнуло весло у причала. Я поднялся и пошел навстречу хозяину.

— Наконец-то прибыл, — обрадованно, крепко, по-дружески пожал мне руку Шеломин. — Вторую неделю ожидаю.

— Дела задержали, — виновато начал я было оправдываться. И тут же в удивлении развел руками: из кармана ватника хозяина избушки на меня смотрела потешная мордочка колонка. — Ничего не понимаю! Ведь только что он суетился вокруг зимовья. И вдруг оказался в кармане.

— Это Сторожок-то? — засмеялся Антон Егорыч, нежно поглаживая рыже-золотистого зверька. — То, братец мой, умница! На неделю в тайгу уйду, он ни на час дом не оставит. А в моем кармане у него самое надежное убежище.

И потом, когда мы, сидя за столом, угощались ухой из свежих хариусов, Антон Егорыч рассказывал мне:

— Позапрошлой весной появился он у меня. Сперва козьим молоком поил, а когда он подрос, к мясу приучать начал. Время шло, колонок бегал в тайгу, играл, вместо кошки на мышей охотился. Да так приручился, что, вон посмотри, и спит даже в моей шапке.

В углу, на лавке, лежала старая беличья шапка, а в ней, свернувшись калачиком, дремал колонок. Слушая рассказ Антона Егорыча, я закурил сигарету. И в тот же миг проснувшийся зверек настороженно вытянул шею. Принюхался. Сердито фыркнул. Минута — и его из горницы будто вихрем вынесло.

Рис. В. Прокофьева

— Пропала у тебя дружба со Сторожком, — улыбнулся Антон Егорыч.

— Почему?

— Табачного дыма он терпеть не может. А к тому, кто курит, близко не подойдет.

Антон Егорыч оказался прав. Две недели жил я в зимовье, и, несмотря на все старания, подружиться с колонком так мне и не удалось. Мало того, когда я заходил в горницу, зверек тотчас прятался в карман к хозяину, а чаще пулей выскакивал на улицу.

П. СТЕФАРОВ

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Блуждая по сентябрьской тайге вдоль реки Кенцухе, я вышел к совхозной пасеке, что стоит на Холодном Ключе. Рядом с пасекой небольшая бахча, и я надеялся полакомиться арбузами. Арбузы в Приморье хоть и не вызревают толком, но все ж в полуденный зной и от таких не откажешься.

Встретил меня старик не очень-то приветливо. То ли он вообще не из разговорчивых, то ли был чем-то озабочен, и сейчас ему не до гостей...

— Добрый день, дедушка. Чего это вы такой сердитый?

— Много вас тут за день проходит.

И дед затоптался вокруг улья, не тратя на меня больше слов и времени. Лишь теперь я заметил, что улей кто-то изрядно покалечил. «Похоже, медведь наведывался», — мелькнула догадка. Не обращая на меня внимания, дед продолжал возиться с ульем.

— Наверное, медведь нашкодил? — спросил я как можно участливее.

— А то кто ж? Повадился, как в собственную берлогу!.. Да зачастил еженощно!

Он с такой безнадежностью оглядывал пострадавший улей, так яростно накликал всяких бед на всю медвежью родню, что мне было и жаль старика, и смешно.

— Деда, а вы проучили бы его! Разве нечем?..

— Ружье есть... старинное. Да вот беда, плохо вижу, а в сумерки и совсем считай, что не вижу.

— Так, может, я вам помогу?

Дед удостоил меня взглядом серьезным и испытующим. По-моему, я внушал ему доверие.

— Тебе-то хоть приходилось? Медведь, я тебе скажу, зверь серьезный.

— Случалось, — соврал я и перевел взгляд на крышу омшаника, словно увидел там нечто интересное.

— Ну, тогда добро... А арбуза не жалко. Только поубирали их недавно. Большого, может, и не сыщешь. Но походи, погляди — глаза молодые...

Вечером, когда жара спала и солнце опустилось за горный хребет, у нас все было подготовлено. Пасечник почтительно называл свою шомполку «фузеей». Ружье его в самом деле имело солидный возраст. «Фузея» выглядела такой древней и ветхой, что я сомневался, можно ли из нее стрелять вообще.

Пасечник меня успокаивал:

— Ты не смотри, что шат большой. Она центрального бою. Только покрепче прижимай к плечу, а то отдача большая.

Уже растворился в теплых сумерках окружающий лес. Плавно выплыла из-за гор луна, и на синем небе отчетливо проступили зубчатые очертания гор и верхушки ближайших деревьев. А медведь все не шел.

— Может, не придет? — повернулся я к пасечнику, который уже начал было дремать.

Тот встрепенулся, качнул головой:

— Придет — это уж точно! — Дед выглянул в раскрытое окно: — А и вправду запоздал. Месяц-то уже вполкедра поднялся. — И вдруг дед застыл: — Слышь?..

Я ничего не слышал. На пасеке стояла тишина. Только комариный писк сверлил уши и шумела вода на перекате так, будто где-то далеко идет поезд.

— А теперь?..

Теперь я не только слышал, но и отчетливо увидел, как метрах в сорока-пятидесяти от омшаника, в котором мы устроили засаду, на бахче возилось что-то черное. Оно сопело, урчало и старательно шарило в траве.

Прошло несколько минут. Я ждал, пока зверь выйдет на видное место. А пасечник прямо-таки трясся от нетерпения:

— Ну... Ну... Целься получше... Упрись в подоконник.

Медведь — конечно же, это был он — наконец выкатился на освещенную луной прогалину. Зверь стоял на задних лапах, а в передних держал огромный рябой арбуз. Мне даже обидно стало — днем не удалось найти такого, а он ночью умудрился.

Совсем по-человечьи медведь взвесил в лапах арбуз, потом шмякнул его оземь. Арбуз раскололся, и даже отсюда, из омшаника, было видно, что он зрелый.

Медведь покрутил головой во все стороны, замер, видимо прислушиваясь, убедился, что все тихо, и занялся арбузом. Лакомясь, он звучно, с наслаждением чавкал уже без всяких опасений.

Деда всего передергивало от ярости.

— Ну, стрельни ты в него, — торопил меня пасечник.

Я нажал на курок. «Фузея» бабахнула, больно толкнув меня в плечо. В ушах зазвенело.

Зверь подскочил на месте, хрюкнул и метнулся в заросли.

Выстрелил я почти не целясь. Откровенно говоря, мне не очень хотелось даже ранить этого ловкого разбойника.

Остаток ночи мы проспали в омшанике. А утром, пойдя по следу, крови не обнаружили.

Через неделю я снова наведался на пасеку. На этот раз дед встретил меня приветливо, как старого знакомого.

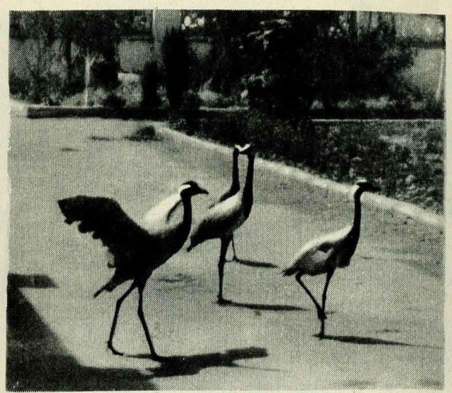
— Задал ты ему жару!.. Перестал ходить!

Старик угощал меня медом и приглашал в гости.

О. ОРАЧ

ДЛИННОНОГИЕ ТАНЦОРЫ

Фотография журавля-красавки раньше была редкостью. Птица эта очень осторожная, но в неволе встречается. Эти четыре журавля фотографировались каждый день и по многу раз.

Живут они в одном из крымских парков. Птицы ручные и очень забавные.

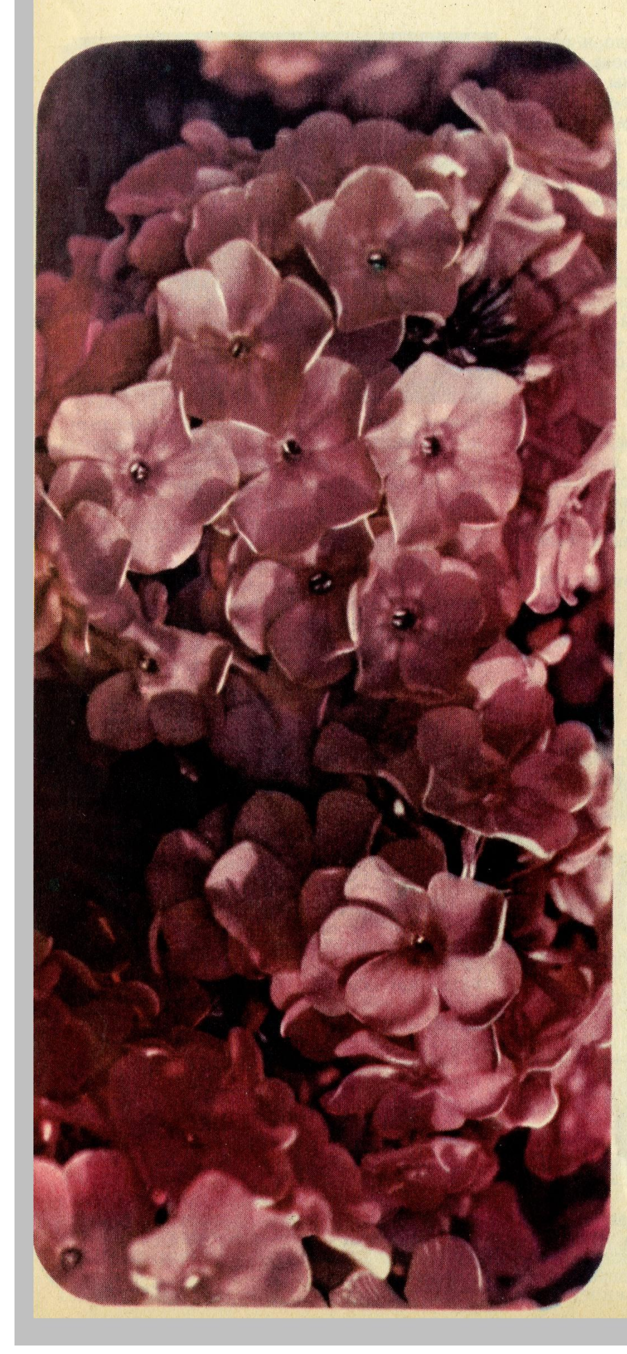
Вот они стоят у подъезда кинотеатра, не обращая никакого внимания на людей, — их приходится обходить. Но вдруг вожак поднимает голову, будто прислушивается, и издает негромкое гортанное карканье. Журавли преображаются. Словно от какой-то грозной опасности, бросаются птицы бежать, помогая себе крыльями. Бывает, обегут по дорожкам изрядный круг и остановятся на прежнем месте.

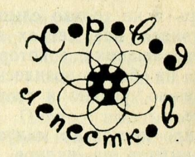
Все они делают по команде. По-видимому, «язык» журавлей очень богат разными «словами» — они частенько переговариваются между собой и отлично понимают друг друга.

Проголодавшись, журавли отправляются к столовой. Они не выклянчивают подачки, а спокойно и солидно стоят в сторонке и берут брошенный им кусочек хлеба или ягоду не спеша, словно вам же делают одолжение.

Иногда журавли держатся по двое, по-видимому, их две пары. Это бывает не только весной, но и в другое время. Даже в августе журавли любят танцевать, нисколько не смущаясь людей. Больше танцует самец. Он ходит вокруг своей подруги, раскрывая крылья, приседая, кланяясь чинно и изящно, как в старинном менуэте, а потом вдруг начинает приплясывать, переминаться с ноги на ногу. Так и кажется, что вот сейчас пойдет вприсядку. Самка отвечает танцору поклонами, которые очень напоминают реверанс, так как она отставляет назад одну ногу. Можно представить, сколько зрителей собирается на такой балет. Впрочем, люди возле журавлей всегда. Их фотографируют, кормят, птицы доставляют много радости и удовольствия.

К. БЛАГОСКЛОНОВ

Когда цветут многолетние флоксы, невольно поражаешься необыкновенной щедрости, пышности их цветения. А цветут они долго — с конца июня до октября.

Недаром эти растения флоксами назвали. В переводе «флокс» означает «пламя».

Удивительно красивы флоксы. Уж очень разнообразна их окраска: огненно-красная, красно-пурпурная, рубиновая, вишневая, малиновая, нежно-розовая, густо-розовая, лиловая, фиолетовая... Не счесть всех оттенков, тонов, сочетаний.

Есть у этих растений замечательное свойство: они легко и быстро размножаются! Вот про эти «секреты» флоксов мы и расскажем.

Размножать флоксы можно круглый год: и осенью, и зимой, и весной, и летом! Под зиму флоксы сеют. Семена поздних сортов собирают в октябре. Для этого стебли с коробочками в стадии восковой зрелости срезают и связывают в рыхлые пучки. Пучки помещают в марлевые мешочки, чтобы семена при раскрытии коробочек не рассыпались. И на неделю подвешивают на веранде или в сарае, а затем у печки или батареи центрального отопления. Когда большая часть коробочек раскроется или сильно затвердеет, проведите очистку семян. Интересно, что у флоксов хорошей всхожестью обладают и недозревшие, и даже зеленые семена. Только не надо запаздывать с их высевом.

Всхожесть семян флоксов при хранении падает с каждым месяцем. Поэтому постарайтесь посеять их под зиму. Семена высевают в ящики с землей и заделывают на глубину до одного сантиметра. Ящики хранят до весны под снегом.

Вокруг флоксов весной можно найти много всходов. Появились они из осыпавшихся осенью и зимой семян. Сеянцы осторожно выкопайте и пересадите на отдельную грядку. Между молодыми флоксами оставьте расстояние в 20 сантиметров, между рядками — 25 сантиметров. Большинство из них к осени зацветет. На следующий год весной пересадите сеянцы на постоянное место в цветник. При размножении семенами можно получить растения с новой окраской цветков.

Весной и осенью можно размножать этот многолетник делением разросшихся кустов. А самая горячая пора по размножению флоксов — лето. В эту пору их черенкуют. Для укоренения зеленых черенков не обязательно иметь парник или теплицу. Они хорошо приживаются на грядках. Только устраивайте их в слегка затененном месте. На грядку насыпьте песок слоем в полтора-два сантиметра.

Каждый черенок флокса должен иметь две пары листьев. Нижнюю пару листьев срежьте, верхнюю укоротите наполовину. Черенки режьте в тени, чтобы они не завяли до посадки. Полезно их также завернуть в мокрую тряпку. Некоторые цветоводы ставят их в банки с водой.

Черенки высаживайте наклонно на глубину около одного сантиметра. Между черенками должно быть расстояние в пять-шесть сантиметров, между рядками восемь-десять сантиметров. Укореняются они недели через две-три. Следите за влажностью почвы,

черенки очень полезно опрыскивать. Когда черенки укоренятся, их пересаживают на другую грядку, посвободнее. При раннем черенковании молодые флоксы к осени уже зацветают.

Но и это не последний способ размножения флоксов. Их также можно размножать корневыми черенками и отводками.

●

Началась хлопотливая пора осенних посадок деревьев и кустарников. Посмотрите, может быть, и вашему пришкольному участку не хватает зеленых друзей?

Исстари повелось считать, что посадка дерева — дело почетное. Вот у околицы села приветливо шумит могучей кроной кем-то посаженный богатырь дуб. А скромный городской двор много лет украшают тополя. И у каждого они вызывают теплые чувства, они — добрая улыбка родных мест.

●

Если вы посадите у входа на пришкольный участок два дерева, со временем они станут красивыми «воротами» в вашу школу. Посаженные у входа стройные северные пирамидальные тополя придадут участку торжественный вид. А породы с широкой раскидистой кроной, например клен остролистный, сделают его живописным.

Пирамидальные тополя очень хороши и для аллеи. К гибридным тополям с пирамидальной кроной относятся тополь Яблокова, Советский, Русский, Мичуринец, Пионер. Растут они быстро. Например, у тополя Советского на плодородных влажных почвах годовой прирост достигает полутора-двух метров. Он успешно растет в Москве и Подмосковье.

●

Неприглядную постройку на пришкольном участке можно легко заслонить группкой деревьев или высоких кустарников, например сиренью. А вот посредине участка посадите несколько саженцев (три-четыре) в одну обширную посадочную яму. Но высаживайте какую-либо одну породу. Через несколько лет у вас вырастет многоствольное дерево с огромной кроной и живописным расположением стволов.

●

Запомните важное правило: не высаживайте высокие кустарники и деревья под окнами. Прикиньте: через несколько лет они так разрастутся, что заслонят солнечный свет. Такие породы высаживайте посредине пришкольного участка, вдоль изгороди, у глухих стен или по углам здания.

●

На фоне зеленого газона старайтесь высаживать красиво цветущие кустарники: калину бульденеж, сирень обыкновенную, сирень венгерскую, боярышник кроваво-красный, шиповник морщинистый, чубушники (жасмин), спирею.

●

Среди деревьев и кустарников важно знать породы, которые отличаются наибольшей выносливостью к дыму и газу. Их вы можете посадить на территории подшефного завода или фабрики, вдоль оживленной автомобильной магистрали.

К таким породам относятся: клен полевой, лиственница даурская, шиповник иглистый, смородина золотистая, спирея средняя, тополь бальзамический, тополь канадский, яблоня сибирская, гортензия метельчатая, ирга канадская, облепиха.

Например, иргу канадскую у нас используют для озеленения городов от Крыма до Карельского перешейка и Урала. Она красива и неприхотлива. Цветет пышно, долго. Из нее можно устроить красивую живую изгородь. Хороша ирга канадская и в декоративных групповых посадках. Высаживать ее лучше на солнечных местах.

●

Зеленые друзья — отличные глушители городского шума. Но среди них имеются деревья и кустарники, которые особенно хорошо снимают шум в городах.

К таким породам относятся, например, вяз гладкий, вяз шершавый, груша обыкновенная, ива белая, клен остролистный, клен татарский, клен ясенелистный, липа крупнолистная, тополь бальзамический, тополь белый, тополь черный, или осокорь, черемуха обыкновенная, яблоня лесная, яблоня сибирская, ясень обыкновенный, а также бузина красная, вишня обыкновенная, ирга канадская, сирень обыкновенная, сирень венгерская.

Посадите, например, липу крупнолистную. Крона у нее огромная, густая, листья крупные. А само дерево бывает высотой до 40 метров! Эта липа цветет раньше липы мелколистной.

Дикорастущая липа крупнолистная растет у нас на Кавказе и в Западной Украине. Но она хорошо переносит зимы Москвы и Ленинграда. Ее охотно используют для озеленения городов за красоту, ее можно посадить в тенистых местах, не боится она вредителей.

Дорогие друзья! Октябрь подводит итоги всего сезона по сбору дикорастущих растений. В этом месяце собирают плоды боярышника кроваво-красного, шиповника иглистого и коричного, жостера слабительного, можжевельника обыкновенного. Особое значение имеет сейчас сбор корневищ с корнями девясила высокого, валерьяны лекарственной, большеголовника, черемицы Лобеля; корневищ дягиля аптечного, лапчатки прямостоячей, аира болотного; корней одуванчика аптечного, алтея лекарственного, горечавки желтой и т. д. Собирают сейчас рожки спорыньи, траву анабазиса, сосновые шишки и соплодия ольховые. Целебны также желуди дуба черешчатого.

Грибов в лесу осталось мало, привольно чувствуют себя только опята да горькушки, а грузди, зеленушки и рядовки к середине месяца начинают пропадать.

По всем вопросам, связанным с конкурсом по сбору дикорастущих хозяйственно ценных и лекарственных растений, вашими консультантами и помощниками станут заготовительные организации потребкооперации района. Поддерживайте с ними тесную связь! Желаем успеха!

ЦЕНТРОКООПЛЕКТЕХСЫРЬЕ ЦЕНТРОСОЮЗА

И ВОЛК В ПРИДАЧУ

Ранчо Ривер-Бенд лежало в двух километрах от шоссе. Нам пришлось идти через влажный лес, яростно отбиваясь ветками от гнуса. Но едва мы вышли на поляну, как случилось чудо. Во всяком случае, так показалось нам, еще не привыкшим к капризам местной погоды. Тучи поднялись и уплыли, проглянуло солнце, и дождевые капли на траве засверкали, будто алмазики. Поблизости журчал родник, через луга извивался ручей.

Мы с мужем посмотрели друг на друга. Все было ясно без слов: мы нашли свое ранчо. Не зря ехали из Швеции в Канаду.

Вечером, разбив лагерь под звездами, наша счастливая семья окружила костер. С нами сидел и старик Хэнк, который своим трудом превратил кусочек лесной глухомани в поля и луга. Он уже пересказал нам все невероятные истории из своей жизни в долине. Вдруг раздался долгий, протяжный вой. Казалось, он доносился одновременно со всех сторон. Мы так и замерли с расширившимися глазами. Волчий вой хоть на кого нагонит страх, особенно когда кругом царит ночь.

— А вот и Блэки, — спокойно сообщил Хэнк.

— Блэки? — недоуменно прошептали дети.

— Ну да, здешний волк.

— Это как понимать, вы продаете нам волка вместе с ранчо? — медленно произнес мой муж Эрнест.

Старик покачал головой.

— Блэки купить нельзя. Он вольный, дикий волк.

— Ничего, ужо попадется мне на мушку, — брякнул Эрнест.

Хэнк рассердился.

— Вы не смеете его убивать! — резко ответил он. — Блэки — неотъемлемая часть ранчо, понятно? Он никому не делает зла. Даже кошкам.

Хэнк рассказал, что Блэки совсем черный. Живет здесь уже лет двенадцать-четырнадцать. Эрнест усомнился: как это можно утверждать, что речь идет об одном и том же волке. Тогда старик сунул руку в нагрудный карман и вытащил оттуда что-то непонятное.

— Вот, смотрите, это когти с его правой задней лапы. Я нашел их в капкане в одну морозную зиму много-много лет назад. У Блэки недостает как раз этих когтей. Держите. Пока они будут у вас, он вам не причинит никакого вреда.

— Вот это суеверие, — прошептал Эрнест, наклонившись ко мне, чтобы другие не слышали.

— Дайте мне их, — попросила дочь Ирен и спрятала в карман кусочек черной кожи с когтями.

Мы не очень полагались на уверения Хэнка, что волк безобиден, и каждый вечер загоняли в ограду наше стадо. И Эрнест никогда не уходил в лес без ружья. Но Блэки не показывался, и мы решили, что он исчез. Однако едва выпал первый снег, как следы показали, что волк тщательно наблюдает за нами. Он обходил стога сена, курятник и дом, кое-где даже ложился на землю. При этом волк оставался незримым для нас, и мы прозвали его «Призраком Ривер-Бенда».

Впервые Блэки показался нам на глаза... первого апреля. Мы сидели за столом, дети шумно радовались тому, как удалась первоапрельская шутка, жертвой которой оказался папа. Вдруг Юниор, сидевший лицом к окну, крикнул:

— Папа, там волк сидит, перед самым окном! Он черный! Это Блэки!

Эрнест улыбнулся.

— Ну конечно, — ответил он. — Сегодня первое апреля.

Юниор вскочил с места и замахал руками.

— Да я не шучу! Посмотри!

Но Эрнест упорно не верил сыну. В конце концов меня одолело любопытство, я выглянула в окно.

— Эрнест, правда, там волк!

— И ты туда же, — печально ответил он, продолжая есть.

Наконец Эрнест не выдержал и тоже посмотрел в окно.

— Почему же вы сразу не сказали? — воскликнул он.

Схватив ружье, он мигом выскочил за дверь, но волка и след простыл. Ирен смеялась до слез.

— Нашего папу даже волк может надуть с первым апреля! — ликовала она.

У нас было восемнадцать новорожденных телят. Мы не очень-то полагались на то, что коровы смогут их защитить от волка, и поручили детям по очереди нести караул. Как увидят волка — пусть позовут старших. Пасти коров — дело не очень веселое. Одной Реа оно было по душе. Такая уж она была мечтательница. Уляжется на спине нашего мерина, глядит на небо и грезит.

— Все равно коровы раньше моего заметят волка, если он появится, — заявила она, когда мы однажды решили ее покритиковать.

В один из первых июньских дней, когда Реа, как обычно, удобно примостилась на широкой спине Принца, у нее вдруг возникло странное, неприятное чувство, что на нее кто-то смотрит. Она приподнялась на локтях, и ее глаза встретились с глазами волка. Он неподвижно лежал на опушке, опустив голову на лапы. Черный мерин безбоязненно подходил все ближе к волку, а два молодых бычка играли перед самым его носом, и их мамы нисколько этим не были обеспокоены.

Реа открыла рот, хотела закричать. Волк не двинулся с места, продолжая спокойно глядеть на девочку. И тут что-то произошло, возник некий контакт. Вместо того чтобы крикнуть, Реа улыбнулась.

— Привет, Блэки!

В это время мимо проходил Юниор. Увидев волка, он припустился бежать, но, добежав до дому, не мог вымолвить ни слова, только показывал рукой на лес. Эрнест смекнул, в чем дело, взял ружье и побежал туда. Реа услышала его кашель и обернулась. А когда снова поглядела на опушку, Блэки там не было.

— А я только что познакомилась с Блэки, — радостно сообщила она отцу. — Он очень славный, хорошо дружит с коровами и лошадьми. Я с ним тоже подружусь.

Какой взрослый примет всерьез такие слова из уст семилетнего ребенка?

— Смотри, когда-нибудь он на тебя набросится, — предупредил Эрнест.

— Никогда, — решительно возразила Реа.

Следующие две недели мы умирали от страха. Показавшись однажды, Блэки совсем перестал от нас прятаться. Когда Реа выходила погулять, в шести-семи метрах от нее неизменно можно было увидеть

черного волка. Ближе он не подходил, не позволял к себе прикоснуться.

По следам мы установили, что Блэки — одинокий волк. Все книги твердят, что одинокие волки самые опасные. Но Блэки — красивый зверь в расцвете сил — не отвечал традиционным представлениям.

Он и Реа готовы были без конца играть в прятки. Вот он стоит перед ней, потом прижмется к земле — и пропал, нет его. Реа бежит туда, где видела волка, ищет, ищет... И вдруг обнаруживает, что он уже сидит у нее за спиной, улыбаясь всей своей черной мордой.

Однажды летом мы положили комки соли на землю. Заметив соль, животные устремились к ней. Блэки, как обычно, лежал неподалеку и следил за ними

У каждой из наших коров были свои черточки, но всех непокорнее была строптивая Молли. Никакая ограда не могла ее удержать. Она прекрасно знала, когда фасоль на огороде достигает идеальной для коров кондиции, и тотчас вела туда своих подруг.

Но на сей раз, когда все коровы побежали к соли, Молли замешкалась. Ее теленок, совсем еще крошка, не поспевал за всеми. Молли подталкивала его и нетерпеливо мычала, но он никак не хотел прибавить ходу. Она покинула его, но материнский инстинкт взял верх, и Молли вернулась к теленку. В конце концов она подтолкнула малыша поближе к Блэки и заставила лечь на землю, а сама устремилась вдогонку за остальными коровами, протолкалась в первый ряд и жадно принялась лизать соль.

Мы не верили своим глазам. Что за диво! Блэки выступает в роли няньки! Если коровы ему так доверяют, то что же мешает нам делать то же самое? Блэки — частица ранчо, ранчо принадлежит нам — значит, и Блэки наш.

Однажды Эрнест подстрелил лося. Мы все принялись разделывать добычу. Наш колли Бач сидел поблизости и с нетерпением ждал вкусной косточки. Разгибая уставшую спину, Эрнест случайно оглянулся и воскликнул:

— Нет, вы посмотрите!

В нескольких метрах позади Бача сидел Блэки. Он не облизывался, как пес, а весь подобрался, насторожив уши, и не отрывал глаз от туши.

— Что, и ты своей доли ждешь? — спросил Эрнест. — Ладно, держи!

Кусок мяса пролетел по воздуху. Бач метнулся за ним, но волк намного опередил его и живо исчез в лесу, чтобы в одиночестве насладиться лакомым угощением. Бач даже обиделся.

И в дальнейшем Блэки всегда получал свою долю охотничьей добычи.

Блэки явно понимал, что такое ружье. Я не раз видела, как он прекращает игру с Реа и следует за Эрнестом, когда тот отправляется в лес с ружьем. Но хотя волк догадывался, чем грозит ружье, оно его не пугало. Мне кажется, он считал нас членами своей стаи. Правда, несколько странными членами, со своими приемами охоты и совсем не умеющими выть...

Сколько вопросов мы задавали себе! Почему Блэки одинок? Почему он не боится людей, но вместе с тем и не подпускает их вплотную? Откуда он пришел?

Как-то в лунную зимнюю ночь мы услышали вой из-за реки. Долгий, протяжный вой, то громче, то тише, — звук, выражающий одиночество и грусть. Это был другой волк.

На минуту воцарилась тишина, потом раздался голос нашего волка.

— Неужели Блэки уйдет от нас? — задумчиво спросила Реа. Ей никто не ответил: каждый из нас задавал себе тот же вопрос. Всю ночь до ранчо доносился вой, но он был настолько далек, что мы не могли различить голоса.

Утром дети отправились на поиски волка. И когда они возвратились, Юниор доложил:

— Наш Блэки — трус! Он боится перейти через железную дорогу!

— Нет, Блэки не трус, он настоящий волк! — обиделась Реа.

— Мы прошли по его следу до самой железной дороги, — объяснил Юниор.

Оказалось, что другой волк пересек железную дорогу, а Блэки только бегал взад и вперед перед рельсами, не решаясь перейти на другую сторону. В конце концов он повернул и пришел к ранчо.

Я подумала о двух когтях, которых лишился Блэки: что ж, у него есть все основания остерегаться запаха железа. Может быть, именно поэтому он одинок. Если остальные волки предпочитают лес за железной дорогой, он никогда не найдет себе товарища среди них.

На четвертый год мы начали строить себе просторный дом взамен маленькой избушки. Днем, когда я делала покупки в лавке, ко мне подошел лесоруб и сказал с усмешкой:

— Этот ваш черный пес — никудышный сторож.

— А что? — Я встревожилась, что за шутку выкинул наш Блэки.

— Да я пришел посмотреть на дом, который вы строите. Гляжу, перед домом лежит большая черная собака. Кто ее знает, какой у нее нрав, и я на всякий случай вооружился палкой. Но пес подпустил меня на шесть-семь метров и пустился наутек, словно кролик.

Лесоруб расхохотался. Тогда я тихо спросила его:

— Скажите, вы когда-нибудь видели волка?

— Да нет, не припомню.

Он явно решил, что я перевожу разговор на другое.

— Так вот, вы ошибаетесь, — возразила я с улыбкой.

— Что? — На минуту он опешил, потом в глазах его появился испуг. — Вы хотите сказать, что это был не пес, а волк?

— Вот именно.

Помня, что за убитого волка платят 25 долларов, я поспешила добавить:

— Но он наш любимец, так что не вздумайте его убивать.

— Как, вы приручили волка?

— Да. Впрочем, скорее он приручил нас.

Лесоруб посмотрел на меня, словно на колдунью. С того дня число зевак, которые докучали нам своими советами, заметно поубавилось.

Однажды из-за реки послышался истерический визг и вой. Это волки из прерий пришли через лес к реке и затеяли хоровод на снегу. Они не давали нам уснуть. Что их так взбудоражило? Поднимут голову к луне и наполняют тихую ночь пронзительным воем. Уж не выйти ли, не прогнать ли их выстрелом? К счастью, до этого не дошло. Вдруг с нашего берега раздался хриплый вой одинокого волка. Их концерт не пришелся Блэки по душе, и он велел им убираться. Чужие волки сразу смолкли, как по мановению волшебного жезла. И побрели прочь, по одному и по двое, прижимаясь к земле, чтобы стать возможно незаметнее.

Бач, лежавший у очага, вздохнул и тотчас уснул. Теперь и мы могли ложиться. Блэки восстановил мир и покой на ранчо Ривер-Бенд.

Цивилизация вторглась в долину, и многое изменилось. Появилась школа. Реа и Киттен каждый день отправлялись учиться на школьном автобусе. Блэки явно было без них одиноко, но он довольно скоро разобрался в расписании автобуса. Дорога петляла, и волк ухитрялся встречать автобус два раза: сперва у дома соседей, потом около нашего гаража. Особенно нравился ему бугорок возле соседнего дома, оттуда ему было все так хорошо видно, и дети издали замечали его и махали своему другу.

Наступил июнь. Осталась всего неделя до каникул. Когда школьный автобус вез детишек домой, его обогнал какой-то старый рыдван. Обогнал и остановился, так что автобус чуть не врезался в него.

Из рыдвана выбрались подвыпившие парни.

— Гляди-ка, волк сидит! — крикнул один из них, размахивая ружьем.

— Стреляй, Гэри! Бьюсь об заклад, что с первого раза не попадешь, — отозвался его приятель.

Реа принялась стучать в окно.

— Остановите их, остановите! — в отчаянии закричала она. — Они убьют Блэки!

Водитель опустил боковое стекло и крикнул парням, чтобы они бросили свои штучки. Но те только рассмеялись в ответ, а тот, которого называли Гэри, навел ружье на шофера автобуса, так что вновь пришлось поднять стекло.

Блэки с удивлением смотрел на пьяного парня. Он знал, для чего применяют ружье, но никогда не представлял себе, чтобы оно могло быть обращено против него. Он считал людей своими друзьями, привык им доверять. И продолжал лежать на месте.

— Выпустите меня! — крикнула Реа. — Они убьют его.

Но водитель перехватил девочку.

— Не выходи! Они же пьяные, еще, чего доброго, по тебе стрелять вздумают!

В эту минуту грянул выстрел...

Блэки похоронили в старой волчьей норе в горах. Эрнест заложил вход в нору камнями так, чтобы никто посторонний не мог найти нашего Блэки.

ХЕЛЕНЕ ВИДЕЛЛЬ

Перевод со шведского

«Сказка осени»

Саша Белкин
г. Березовский

НЕ ПРАВДА ЛИ, МИЛЫЙ ЩЕНОК ИЗОБРАЖЕН НА 1-Й СТРАНИЦЕ НАШЕЙ ОБЛОЖКИ? ОН БЕСПОРОДНЫЙ И НЕ МОЖЕТ ПОХВАСТАТЬСЯ СВОЕЙ РОДОСЛОВНОЙ, НО ВСЕ РАВНО КРАСИВЫЙ.

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Главный редактор А. А. ВИНОГРАДОВ

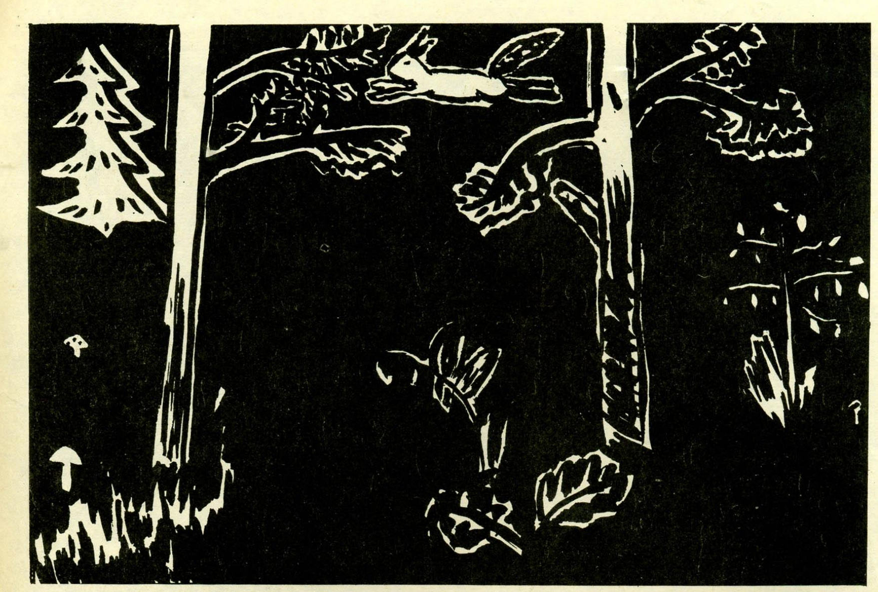
Редколлегия: Булгаков Л. Н., Корчагина В. А., Клумов С. К., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Щукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук профессор Н. А. Гладков.

Художественный редактор А. А. Тюрин
Технический редактор Н. Ф. Михайловская

Сдано в набор 5/VIII 1971 г. Подп. к печ. 9/IX 1971 г. А01289. Формат 70×100[1]/16. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 1 500 000 экз. Заказ 1676. Цена 20 коп.

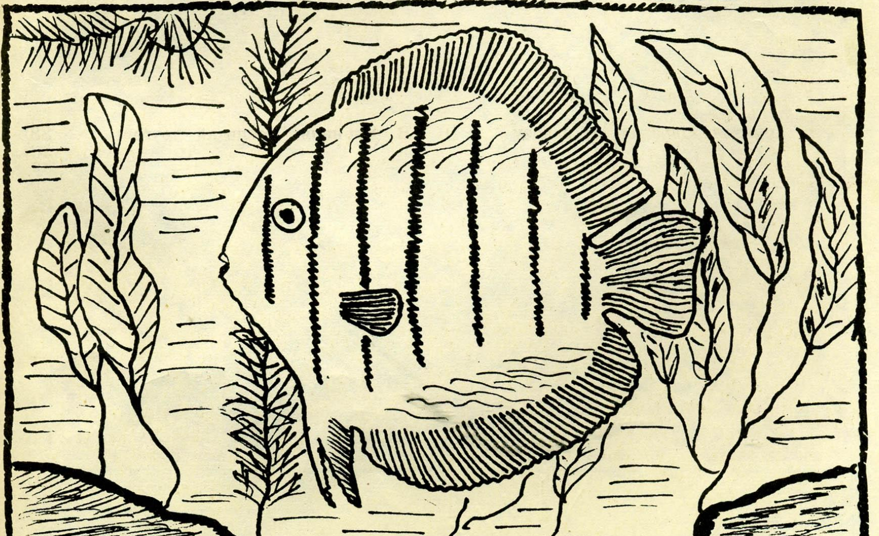
Типогоафия изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

«БЕЛКА В ЛЕСУ» — Галя Афанасьева

«ДИСКУС» — Стасик Латынов

20 коп.
Индекс 71121